

The poster features a man with dark hair and a beard in a suit on the left, and a large, close-up image of a doll with red hair and green eyes on the right. The title is in a gold frame in the center, and a woman lying on the ground is at the bottom.

Жанна

Бочманова

Повушка для
Серого

18+

Жанна Бочманова
Ловушка для Серого

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бочманова Ж.

Ловушка для Серого / Ж. Бочманова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Лара мечтает о музыке, но приглашение на прослушивание оборачивается кошмаром. Теперь она вынуждена вступить в чужую игру. Сергей Волков успешен в мире бизнеса. Он может многое, но не в силах вернуть любимую. Марина бросила его с маленьким сыном. Разыскивая жену, Сергей выходит на след кровавых преступлений, берущих начало в далёком прошлом. Так, может, Марина пропала не по своей воле? Зачем кто-то пытается подменить её? Сумеет ли он не попасться в ловушку и выяснить, кому понадобилось разрушить его жизнь? В оформлении обложки использованы фотографии с ресурса pixabay по лицензии CC0.

© Бочманова Ж., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Пролог

Охота – удел избранных. Настоящая охота, конечно, а не трусливый отстрел беззащитных животных. Человек на скамье возле детской площадки чуть шевельнулся. Ему нравилось неторопливое движение мыслей в голове, нравилось это состояние ленивой расслабленности перед финальным броском, нравилось длительное ожидание, перед тем, как случится то, что предопределено законом эволюции – выживет сильнейший.

С его места хорошо просматривался двор типовой пятиэтажки. К вечеру машины полностью заставили узкий тротуар перед домом, оставив свободным лишь небольшой пятячок у помойки, куда почти не доходил свет уличных фонарей. И это было удачно: объекту придётся оставить машину там и пойти к дому через детскую площадку. Наконец, он увидел тот самый автомобиль. Блестящая глянец «Вольво», покрутившись по двору, припарковалась возле мусорных контейнеров. Хлопнула дверца, мигнули и погасли фары, по асфальту зацокали каблучки. Он медленно встал и скрылся в тени кустов небольшого скверика. Женщина прошла совсем рядом, он мог бы дотронуться до неё рукой. Мог, но не стал. Втянул чуткими ноздрями еле заметную волну горьковатого парфюма, засёк время и достал сигарету. Ждать осталось примерно часа два.

Движение на улице прекращалось, последние работяги доползали до своих бюджетных норок, чтобы затихнуть в них до утра. Человек потянул вверх замок молнии чёрной спортивной куртки. Несмотря на тёплый май, ночи были прохладны. Запах парфюма всё ещё стоял в воздухе. Он щёлкнул зажигалкой и глотнул табачный дым. Усмехнулся. Всего лишь дичь. Хорошая добыча.

В половине двенадцатого дверь последнего подъезда распахнулась, и человек удовлетворённо повёл плечами, размял руки, затянутые в чёрные кожаные перчатки. Женщина прошла мимо, даже не заметив его тени. Вот вспыхнули на секунду огненно-рыжие кудри, попав под луч света. Дойдя до машины, она принялась рыться в сумочке. Ключ наконец нашёлся, гукнула сигнализации. В этот момент неведомое чутьё, тот животный инстинкт, просыпающийся лишь изредка, и то, как правило, слишком поздно, заставил её замереть. Секунду женщина постояла, держась за ручку дверцы, потом резко повернулась, в глазах мелькнул ужас, рука взметнулась в безнадёжной попытке защититься, но было поздно. Человек, который так долго караулил её, подхватил безвольное тело. В темноте хлопнула крышка багажника, заурчал мотор. «Вольво» вырулила со двора и влилась в редкий автомобильный поток на дороге. Среди мусора, выползающего жирной змеей из переполненных баков, блеснула лакированным боком одинокая красная туфля.

Глава 1

Город встретил Лару ароматом цветущих акаций и безоблачным небом. У города была история: то тут, то там сияли золотом маковки старинных церквей и часовен. Гнутый мост связывал берега вольной реки, делившей город пополам. «Мне здесь нравится» – в который раз подумала она. Настоящая дневная жара ещё не настала, лёгкий ветерок обдувал её лицо, шевелил кудряшки, выбившиеся из туго стянутых на затылке тёмных волос. Лара неторопливо ела мороженое и радовалась жизни, сидя под тентом летнего кафе городского парка.

Ясное небо над головой обещало хороший день. Хотя сегодня никакая погода не смогла бы повлиять на её настроение. Она ещё немного полюбовалась на пышную пенку с нарисованным сердечком в чашке с капучино и сделала глоток. Ей нравилось это чувство независимости и как бы незаметности. В маленьком городке, откуда он приехала вчера днём, все друг друга так или иначе знали. Здесь же никто тебе не кивает, не здоровается и не останавливается поболтать. Она хмыкнула. Возможно, чересчур громко, потому что парень в чёрной майке и солнцезащитных очках, скользя по ней равнодушным взглядом, прошёл было мимо, но вдруг резко остановился и вернулся. Лара этого не заметила, а если и заметила, то не придавала значения.

Парень вошёл под тент кафе и уселся за соседний стол, высмотрел за стойкой официантку и энергичным взмахом руки привлёк внимание. Та кивнула, как давнему знакомому, и вскоре поставила перед ним чашку кофе. Он вытащил сигареты и закурил несмотря на предупреждающую табличку возле кассы. Официантка за стойкой подняла голову от калькулятора, чуть поморщилась, но возразить не посмела.

Лара сидела на краешке неудобного пластмассового кресла абсолютно прямо, привычно отведя плечи назад и слегка склонив голову, словно готовясь плавно опустить руки на белые клавиши рояля. Она мысленно перебирала в уме пьесы, которые сыграет на предстоящем прослушивании. Да-да, именно Шопена и Моцарта, и, наверное, Майкапара. Сложных произведений она не боялась, но всё же Листа или Равеля играть не решилась. Ну, если попросят, то, конечно, придётся. Её пальцы простучали по столу первые такты «Болеро», и Лара представила, как обрадуются родители, узнав о поступлении. Возможном поступлении, конечно.

Она тронула заалевшие от волнения щёки. Слишком бледное лицо, светлые брови и ресницы, веснушки, упрямо пробивающиеся сквозь слой пудры, выдавали, что изначально её шевелюра была, скорее всего, ярко-рыжего цвета. Со своей худощавой фигурой, узкими бёдрами и неожиданно приличной грудью она могла бы привлекать мужчин, как первоцвет пчелу по весне, если бы захотела. Но вся эта кукольная внешность с её рыжестью, светло-зелёными глазами и по-детски пухлыми губами доставляла в школе столько моральных страданий, что, едва окончив учёбу, Лара перекрасилась в тёмный цвет. На что мама удручённо заметила: «Теперь ты и вовсе как-то потерялась, Ларочка, и личика-то не видно совсем». На что она радостно откликнулась: «Вот и славно».

Несмотря на детское выражение лица, Ларе было двадцать четыре года, почти двадцать пять, и она впервые уехала из дома так далеко и так надолго. Так что счастье просто распирало изнутри, заставляя улыбаться всему подряд: людям, животным, деревьям.

И тут некий дискомфорт вторгся в этот радостный настрой, её плечи нервно дёрнулись, Лара чуть повернула голову и заметила пристальный взгляд молодого человека за соседним столом. Она замерла, словно кролик, наткнувшийся в высокой траве на удава. Другая девушка, возможно, обрадовалась бы такому проявлению внимания и как-то даже постаралась обратить его в свою пользу, но только не Лара, которую тут же охватило всё возрастающее смущение и даже тревога. Быстро допив почти остывший кофе, она вышла из прохладной тени кафе под яркое полуденное солнце. «Чего испугалась?» – корила она себя по дороге, чуть даже подсмеиваясь над своим поспешным бегством. Просто не так уж часто мужчины обращали на неё вни-

мание, и она всегда терялась. А этот парень откровенно пялился на неё. Лара хоть и вскользь глянула, но успела заметить и футболку с готической надписью, и модные рваные джинсы. Такие раньше никогда не интересовались её скромной персоной, так же, впрочем, как и она ими. Тем более сейчас, когда у неё был Лёшка, и совсем скоро она его увидит. Ну как скоро – примерно через месяц. Ей тут же вспомнилось их прощание накануне перед его отъездом, и лицо её вспыхнуло и покрылось мелкими бисеринками пота. Парень в готической футболке тут же испарился из её мыслей, как и не было.

«Нет-нет, всё будет хорошо. Я знаю, – думала Лара, шагая вдоль улицы и вертя головой по сторонам, – очень скоро жизнь моя изменится. Я чувствую». От радости ей захотелось смеяться, прыгать, как школьнице, но она только улыбалась и размахивала сумочкой, даже не заметив, как парень из кафе тоже встал и, бросив недопитый кофе, пошёл вслед за ней, на ходу набирая номер на телефоне.

Лара медленно шла по тротуару, стараясь держаться в тени. Она любовалась витринами магазинов и многочисленных кафе. В их отражении ей грезились огромные концертные залы, тяжёлые хрустальные люстры, шум оркестра, настраивающего инструменты, дирижёр в чёрном фраке, и она сама в длинном атласном платье за огромным лакированным роялем. Гром оваций, цветы на сцене. Не то чтобы она мечтала о славе, просто хотелось играть так, чтобы люди замирали и плакали от волшебных звуков, льющихся из-под её пальцев.

С тех самых пор, как она впервые села за инструмент, она жила музыкой. Мелодии постоянно играли в её голове, то радостные, то печальные, в зависимости от настроения. Самой большой мечтой была Санкт-Петербургская консерватория, недостижимая как луна. Уверенности, что она сможет поступить на бюджет, у неё не было никакой, а учиться платно за счёт родителей не позволяла совесть. Хотя они: мать, преподаватель русского и литературы, и отец, заведующий лодочной станцией, конечно бы, вывернулись наизнанку ради неё. «Доченька, – неоднократно предлагала мама, – давай, мы дачу продадим?»

Но Лара отказывалась. Дача, то есть дом в деревне, недалеко от города, была немалым подспорьем в семейном бюджете. Картошки и прочих овощей, выращенных за летний сезон, хватало, чтобы прожить зиму. Да и стоимость дачи едва-едва покрыла бы только первый год обучения, а дальше где деньги брать? Зато она с лёгкостью поступила в областной институт культуры на факультет искусств, и по окончании уже два года обучала детишек игре на фортепиано в местной музыкальной школе.

Работа ей нравилась, с детьми она ладила. Даже организовала что-то вроде кружка, где они разучивали песенки, играли разные произведения и просто много смеялись. Её неизменно приглашали выступить на концертах, посвящённых какому-либо празднику. А один раз даже удалось победить в районном конкурсе исполнителей, и на следующий день её фотография появилась в областной газете. Но на этом всё и кончилось: хрустальная ваза – приз победителю – пылилась на полке, а она по-прежнему играла сама для себя. И вот в начале этой недели в её жизни, произошло нечто потрясающее, грозившее перевернуть всё.

...Учебный год только-только закончился, и в классах начался ремонт. Лара пропадала в школе с утра до вечера, следя, чтобы рабочие не испортили драгоценные инструменты.

– Ларочка, к тебе пришли, – растерянно позвала её директриса, которая опекала Лару и как бывшую свою ученицу, и как молодого специалиста: не дай бог, уйдёт, а где же другого преподавателя взять.

Рядом с директрисой стоял мужчина лет пятидесяти, одетый, несмотря на жару, в строгий костюм, да ещё и при галстукке. Лара даже решила, что это какое-то высокое начальство пожаловало – уж слишком представителен был гость. Широкий лоб, крупные черты лица, так и говорили о благородном происхождении или наличии учёной степени.

– Аркадий Петрович Мамыкин, – представился мужчина, протягивая газету с Лариным портретом. – Замдиректора филармонии, – пояснил он в ответ на её изумлённый взгляд.

– Филармонии? – изумилась Лара ещё больше.

– Да, только соседней области, – засмеялся Аркадий Петрович. – Проездом в ваших краях. Увидел случайно статью о вас, решил заехать, познакомиться. У нас очень хороший коллектив. Ездим с выступлениями по всей стране, недавно заключили договор на гастроли по Европе. Теперь вот проводим конкурс на лучшего исполнителя. Нам нужен хороший пианист. Или пианистка, – он весело засмеялся.

Лара прижала руки к груди:

– Я...я... вы думаете, я могу... – от волнения голос её сорвался.

– Думаю, вы – можете, – уверенно ответил Аркадий Петрович, – во всяком случае, ничего не потеряете. Проживание и питание мы обеспечим. С вас только деньги на дорогу. Осилите?

– Осилю, – улыбнулась она, наконец, не совсем веря в происходящее. – А когда мне приехать?

– В понедельник. Города вы не знаете, но я вам забронирую место в гостинице «Прима». Это рядом с автовокзалом. Вы легко найдёте. Вот моя визитка. Позвоните, как приедете и устроитесь. Прослушивание во вторник. Если всё получится, то жильём мы вас обеспечим. Как вы, согласны?

Лара кивнула и тут же перевела взгляд на директрису. Та смотрела на Мамыкина, как на захватчика-ордынца, уволокшего в плен лучшую девицу на селе.

– Конечно, Ларочка, поезжайте. Такой шанс не каждому выпадает, – вздохнула она, признав поражение.

– А школа, а ремонт?

– Господи, что ж мы без вас не покрасим стены? – махнула она рукой.

– Ну, тогда до свидания, – просиял Аркадий Петрович, – надеюсь на скорую встречу.

Домой она прибежала, не чуя ног, и бросилась на шею матери, а потом и отцу.

– Мама, папа! Я еду в филармонию!

– Дела! – покачал головой отец, выслушав её сумбурный рассказ. – Я всегда говорил, что терпенье и труд – это главное. Каждому воздаётся по заслугам. Ради такого дела и машину продать можно.

– Оставь старушку в покое, – засмеялась Лара, – пусть умрёт своей смертью. Они всё оплачивают. Нужен только билет.

– Какая же она старушка? – возмутился отец. – Она моложе тебя, доченька.

И лишь мама, узнав, куда едет дочь, не то чтобы не обрадовалась, но заволновалась. С трудом Ларе и отцу удалось убедить её, что это не другой конец света. На автобусе всего каких-то пять часов. Почти рядом.

Глава 2

В понедельник утром она вышла из вагона и ступила на землю совершенно незнакомого города. «Если он мне понравится, то всё будет хорошо», – решила она, вглядываясь в названия улиц. Гостиница оказалась действительно рядом, и её тут же поселили в номер, как только она назвала фамилию. «Люди здесь приветливые, – с удовольствием думала она, – и номер уютный, и, вообще, жизнь прекрасна». Она сообщила Аркадию Петровичу о своём приезде, и тот буквально через полчаса приехал за ней.

– Сейчас поедem в одно место, где вы заполните все документы. А завтра перед прослушиванием тоже заедem за вами.

Лара кивала и улыбалась, глядя в окошко. Помещение, в которое они вошли, оказалось фотостудией.

– Небольшая фотосессия, – пояснил Аркадий Петрович – Мы готовим портфолио наших музыкантов. Вы же понимаете, сейчас такая жизнь, что без пиара никак, ну просто никак не обойтись.

Лара всё так же кивала, соглашаясь, хотя и подумала, что странно делать её фото, если они ещё не уверены, что примут её в свой коллектив. Но всё равно действие увлекало. Все эти приборы, камеры, симпатичный парень-фотограф в татуировках и пирсинге, который командовал ей: «Встань сюда, так. Теперь голову вверх и чуть-чуть влево. Так, хорошо. Улыбнись. Нет не так, сильнее. Ещё сильнее...». Давно у неё не было такого приключения. Да и никогда не было. Так что жизнь и правда была прекрасна.

«Жизнь прекрасна», – сделала она последнюю запись в дневнике. Привычка доверять свои мысли бумаге появилась давно. По своей застенчивости она не всем могла поделиться с подружками и даже с мамой. А чувства и эмоции иногда так распирали грудь, что, казалось, сердце не выдержит и выскочит наружу. Действительно, как можно рассказать кому-то о той дрожи в коленках, когда Лёшка поцеловал её в первый раз? Или о золотом свечении, возникающем вокруг головы, едва руки касаются клавиш и раздаются первые аккорды, когда исчезает всё: сцена, зал, зрители и остаётся только музыка, которая звучит как бы сама по себе, унося тебя вдаль. Всё это доверялось белым листам. Лара поставила точку, посмотрела на их с Лёшкой фотографию, вложенную между страниц, и захлопнула тетрадь. Глаза слипались. Она закинула дневник между спинкой кровати и матрасом, дотянулась до выключателя настольной лампы и мгновенно уснула со счастливой улыбкой.

Эта улыбка не сходила с её лица весь следующий день. С утра она успела ещё погулять по городу, который стал почти родным, и посидеть в кафе. К полудню она вернулась в гостиницу, неся в руках пакет с фруктами. Поднявшись в номер, Лара приготовилась устроить себе шикарную трапезу. До прослушивания оставалось целых два часа. Стук в дверь оторвал её от поедания сочной груши. За дверью обнаружился темноволосый мужчина лет тридцати с небольшим, в светлых брюках и летней хлопковой рубашке. Через плечо у него был перекинут такой же светлый, как и брюки, пиджак.

– Здравствуйте, – улыбнулась Лара. – Вы ко мне?

«Из филармонии, наверное», – решила она и посторонилась. Мужчина прошёл в комнату, Лара за ним. Оглянувшись, она увидела сурового здоровяка, подписающего дверь.

– Вы ко мне? – уже менее радостно повторила она.

Мужчина не ответил. Пройдясь по небольшому номеру, он уселся в единственное кресло и с минуту разглядывал её с ног до головы, так пристально, что Ларе стало неловко. «Вы ко мне?» – хотелось повторить ей тот же идиотский вопрос, потому что других у неё не было.

– Надо же, – произнёс мужчина, наконец, – я почти забыл, как выглядит твоё лицо без косметики. И этот цвет... И где ты откопала эти тряпки?

Лара ошарашенно уставилась на одно из лучших своих платьев. Не Карден, конечно, обычный китайский ширпотреб: длинное прямое платье с двумя разрезами по бокам. Ей оно очень нравилось, а то, что в таком ходила каждая вторая, её абсолютно не заботило.

– А... вы кто?

И этот вполне уместный вопрос поверг мужчину в состояние крайнего изумления. Он удивлённо приподнял тёмные брови и поморщился. Ярко-синие глаза недобро сузились.

– Перестань, меня и так достали твои выкидоны.

Лара растерянно переводила взгляд с него на здоровяка возле двери.

– Вы, наверное, ошиблись, – предположила она.

– Конечно, – усмехнулся мужчина, – ошибся. Кого ты хотела обмануть, перекрасившись в этот дурацкий цвет? Я тебя узнаю, даже если ты станешь серо-буро-малиновой.

– Вы ошиблись, – тихо, но твёрдо возразила Лара. – Я вас не знаю.

– Зато я тебя знаю, – мужчина резко поднялся.

Лара в испуге отпрянула. На секунду ей показалось, что он хочет её ударить.

– Думаешь, бить буду? – усмехнулся он, стоя прямо перед нею. – Не бойся. Я рад, что ты вернулась. Собирайся, пойдём.

Он взял её сумку и поставил на кровать.

– Вы бандиты? – дошло до неё.

– Чёрт! – выругался мужчина. – Перестань или я тебя точно поколочу.

Она прижалась к стене и упрямо твердила:

– Вы ошиблись. Я вас не знаю. Я впервые в этом городе... Я только вчера приехала...

Мужчина морщился и сжимал кулаки. В это время раздался стук в дверь, и здоровяк пропустил в комнату ещё одного человека, в котором Лара мгновенно узнала парня из кафе. Он что-то тихо сказал мужчине, тот выслушал и отпустил его:

– Иди, Костя.

Тот вышел, окинув Лару на прощание насмешливо-сочувственным взглядом.

Мужчина без разрешения вытряхнул из Лариной сумки вещи, выцепил паспорт и с любопытством пролистал.

– Так-так, – засмеялся он, – хорошая работа... Хотя что удивляться, ты всегда была изобретательна. Значит, Лариса Николаевна Гудкова?

– Да, Лариса, – тихо произнесла она, понимая, что происходит нечто очень странное и, возможно, даже ужасное.

– Чёрт! – мужчина отшвырнул паспорт и стукнул кулаком по столу, – не вынуждай меня... Всё! Хватит! Поехали! – схватил её за руку и потащил к выходу.

Лара закричала, вырвалась, отбежала в дальний угол и быстро заговорила:

– Вы ошиблись, понимаете? Вы меня с кем-то спутали. Это мой паспорт. Он настоящий...

– Спутал? Я спутал свою жену, с которой живу семь лет? Не смей меня.

– Но я не ваша жена! – отчаянно выкрикнула она. – Понимаете вы это или нет?

– Ага, ты не моя жена? – гадко улыбнулся он. – И у тебя нет родинки? Вот здесь, – он подошёл и пальцем оттянул вырез платья.

Лара тихо вскрикнула и дёрнулась. Раздался треск разрываемой ткани.

– Семён, поддержи, – сказал мужчина, – иначе я её сейчас придушу.

Здоровяк подскочил и схватил Лару огромными лапами. Мужчина взялся обеими руками за вырез платья и сильно дёрнул. Она взвизгнула. Его палец упёрся в ложбинку между грудей, где, действительно, имелась небольшая тёмная родинка.

– Что скажешь, любимая? – прошептал он ей на ухо. – И родинки нет, и шрама нет?

Его руки скользнули под платье. Парализованная страхом, она молчала и даже почти перестала дышать. Претендент на роль мужа, которого у неё отродясь не было, схватился за края разреза и потянул в стороны. Шов легко разошёлся почти до подмышки. Мужчина огла-

дил плавный изгиб тела и оттянул резинку хлопковых трусиков. Пробежал пальцами по коже. Потом, словно не поверив, наклонился и озадаченно посмотрел на чуть выпирающую из-под тонкой кожи косточку. Тронул это место ещё раз:

– Где шрам, любимая? – тихо спросил он, заглядывая Ларе в глаза.

Она всхлипнула и дёрнулась, запрокинув голову, ноги подкосились, и здоровяку пришлось опустить её на кровать. Мужчина уже набирал номер и, дождавшись ответа, сказал в трубку:

– Михаил, нужна консультация. Да, по поводу моей жены. Приезжай в гостиницу, что у вокзала. Да, срочно. Просто немедленно.

Лара на кровати слабо шевельнулась, мужчина что-то спросил, но она не различила слов. Всё это было похоже на кошмарный сон, когда очень хочется проснуться, но почему-то не получается. Минут через десять в номер вошёл человек в серой летней рубашке с чемоданчиком в руках.

– Марина Александровна, – улыбнулся он Ларе, – рад вас снова видеть.

Он водрузил на стол чемоданчик и откинул крышку. Лара скосила глаза и с ужасом увидела в нём какие-то железяки, похожие на медицинские инструменты. Губы её затряслись, она силилась что-то сказать, но язык прилип к нёбу...

– Ну что ж так переживать? – ласково спросил тот, которого её якобы муж, называл Михаилом. – Сейчас посмотрим вас как обычно, и всё.

Она вздрогнула и очнулась. Попыталась вскочить и тут же забилась в крепких руках, сжимавших её плечи. Она билась в страшной истерике, выпучив глаза: «Пустите меня, ради бога! Мамочка! Я не хочу, не хочу! Нет!»

– Нет, ну так невозможно, – Михаил повернулся к чемоданчику и вытащил упаковку одноразового шприца, – у неё истерика, это же ясно. – Он надломил кончик ампулы. – Держите, только крепко.

Втроём им всё же удалось с ней кое-как справиться, и Лара тихо вскрикнула, когда почувствовала тонкий укол, прорвавший нежную кожу. Она дёрнула головой, боднув здоровяка в грудь, но рука была крепко зажата под мышкой у мужчины.

– Всё, отпускай, – Михаил вытащил иглу.

Несколько секунд она полусидела, с ужасом глядя на руку, где алела маленькая точка укола, потом перевела взгляд на своих мучителей и медленно опустилась на кровать. Затухающим сознанием она видела, склонившегося над ней Михаила, и ещё успела услышать: «Семён, выйди, я тебя позову».

Глава 3

– Ну что скажешь? – мужчина отошёл к окну и достал пачку сигарет.

Михаил чиркнул ему зажигалкой, прикурил сам, сделал глубокую затяжку.

– Сергей, – он выпустил струйку дыма, – как твой друг и человек, знающий твою жену, вернее, её тело, может, даже лучше, чем ты сам... Подожди, не перебивай. Я у неё роды принимал и вообще... Эта женщина, – он кивнул на неподвижное тело на кровати, – эта женщина никогда не рожала. Более того, половой жизнью она тоже не жила. Почти. – Он помахал сигаретой в воздухе. – Да, она очень похожа на Марину. То же сложение тела и прочее... Я даже думаю, у неё те же проблемы, что и у твоей жены, понимаешь?

– И что это значит? – мрачно спросил Сергей.

– Ничего, – пожал плечами Михаил. – Ты спросил, я ответил. Выводы твои.

– Ничего не понимаю, – Сергей потёр лоб рукой. Даже родинки те же самые. А шрама нет.

– Шрам не проблема. У твоей жены было кесарево, и что? И следа не осталось. Пластическая хирургия сейчас на уровне.

– Мне надо знать точно.

– Зубы, – сказал Михаил. – Твоя жена к дантисту ходила?

– Ты что? – удивился Сергей. – У неё зубы как у акулы. Ни одной пломбы. Вот, смотри, она мне руку прокусила, шрам остался, – он показал полукруглый след зубов на запястье.

– Помню эту историю. Она тебя за руку, ты её за бедро. Обменялись метками, так сказать.

Михаил подошёл к женщине на кровати и, оттянув нижнюю челюсть, заглянул в рот.

– Ты не поверишь, но все тридцать два на месте, целенькие. И правда, как у акулы.

Сергей кивнул и бросил окуроч в окно.

– Можно, конечно, кровь на анализ взять. Если хочешь.

– Хочу, – Сергей ещё раз посмотрел на женщину, подошёл и одёрнул разорванное платье, прикрыв плоский живот и треугольничек рыжих волос на лобке. Его жена безжалостно расправлялась с любой растительностью на теле. Так кто же это, чёрт возьми?

Михаил достал одноразовый шприц и показал глазами на ремень Сергея. Тот догадливо вытащил его и протянул Михаилу.

– Не люблю делать всё на скорую руку, но ты ж не предупредил. А то я лаборантку бы захватил, – пошутил тот, наматывая ремень на руку женщине выше локтя.

Когда колба шприца заполнилась кровью, Михаил приложил к проколу ватный тампон, собрал инструменты в чемоданчик, кинул туда же пару использованных перчаток и щёлкнул замками.

– Что делать-то будешь?

– Пока не знаю, – Сергей снял ремень и заправил его в брюки. – Ты только не афишируй про это всё. Особенно лаборанткам.

Михаил картинно закатил глаза с выражением «мог бы и не напоминать».

Дверь за ними захлопнулась, сквозняк распахнуло окно, и смёл с подоконника стакан. Звон разбитого стекла привёл Лару в чувство. Что это было? Какой-то кошмар приснился. Она встала и схватилась за голову. Перед глазами всё плыло, во рту ощущался мерзкий привкус металла. Ныла рука. Лара тронула плечо и с ужасом посмотрела на след от укола. Зажала рот рукой – ничего не приснилось, всё было на самом деле. Платье! Разорванное, оно висело на ней двумя лоскутами, и... трусов не было. Её заколотило как в лихорадке. Что они с ней делали? Руки прошлись по внутренним сторонам бёдер. Нет, не похоже, что её изнасиловали, хотя откуда она может знать точно? Раньше ей не доводилось попадать в такие переплёты. Спohватившись, Лара бросилась к дверям и щёлкнула замком.

Но страх не отпускал. Они могут вернуться? Наверное, надо вызвать полицию или самой к ним бежать? Вот только с чем? С криками, что кто-то пришёл и снял с неё трусы? Можно представить ухмылки полицейских. У неё же не взяли ничего. Кажется. Лара быстро проверила сумочку: кошелек на месте, телефон лежит на тумбочке. Часы на стене показывали почти два часа. На три ей назначили прослушивание. Неужели она сможет играть? Нет! У неё всё дрожит, и пальцы словно чужие. Она дотронулась до ванной и залезла в душ. Но даже там, под горячими, почти огненными струями, она не могла унять озноб, вспоминая чужие руки на своей коже. «Уехать, уехать, – твердила она, пытаюсь согреться, – прямо сейчас».

Даже после душа её колотило в ознобе. Лара быстро надела джинсы и футболку, накинула вязаную кофту и принялась закладывать в чемодан вещи. В дверь стукнули, и она замерла на месте, парализованная ужасом. Стук повторился.

– Лариса Николаевна, вы тут? – раздался мужской голос. – Мне сказали, что вы у себя в номере. Это Аркадий Петрович. Вы помните, что сегодня в три прослушивание? Лариса Николаевна?

В дверь забарабанили ещё сильнее. Лара очнулась и быстро открыла дверь.

– Вы здоровы? – уставился на неё Аркадий Петрович.

– Да, то есть, нет, – закивала она. – Я заболела. Мне надо уехать. Срочно!

– Лариса Николаевна, Лариса... Уж позвольте мне вас так, по-отечески. Я всё понимаю, вы нервничаете, это естественно. Но надо собраться, дорогая моя. Надо.

– Нет, нет, – она замотала головой. – Я не хочу. Мне надо домой. Я поеду...

– Послушайте, – Аркадий Петрович посмотрел на почти собранный чемодан. – Вы можете, конечно, уехать. Но... вы поймите. Мы вам оплатили гостиницу, мы для вас устроили специальное прослушивание, я оторвал занятых людей, обещая им исполнителя-самородка. А вы так меня подводите... Ай-яй-яй, Лариса. Нельзя так. Нужно уметь держать нервы в узде. Пойдёмте. Сыграете. Выслушаете вердикт и можете ехать куда хотите, если не передумаете. Обещаю, я вас немедленно отвезу на вокзал. Лично. Вот и сумку сразу возьмём, чтобы не возвращаться. Так?

Он подхватил её под руку и буквально силой потащил за собой по коридору. Ларе только оставалось покорно бежать следом. На улице перед входом стоял автомобиль с включённым двигателем. Из него выскочил водитель, открыл заднюю дверь, Мамыкин впихнул туда Лару и сам плюхнулся следом.

– Уф! – перевёл он дух. – Поехали. У нас мало времени. Ларисочка Николаевна, вам совершенно не нужно нервничать. Всё будет хорошо, – его мягкая рука слегка сжала её ладонь.

Лара кивала, как китайский болванчик, а сама всё думала о недавнем происшествии. Кто это был? Чего они хотели? Они поняли, что ошиблись или снова придут к ней? Эти люди трогали её и, бог ещё знает, что делали! Лицо пылало от стыда. Как теперь смотреть в глаза Лёшке? Мамыкин всё продолжал тискать её руку, постепенно продвигаясь всё выше и выше, к локтю, и она всё порывалась руку убрать, но сил на сопротивление почти не было.

Машина остановилась возле особняка кремового цвета, с плоской крышей и круглой розеткой с каким-то вензелем над аркой входа. Лара мельком отметила, что это не здание филармонии, возле которого она вчера нарезала круги, представляя, как будет тут выступать. Мамыкин, помогая ей выйти из машины, приобнял за талию, но тут уж Лара, сделав вид, что оступилась, выскользнула из его рук. Широкие ступеньки вели к двустворчатым дверям. По просторному сумрачному коридору её провели в комнату, где стоял кожаный диван, пара кресел и небольшой журнальный столик. «А где рояль? Или, по крайней мере, пианино?» – удивилась она.

Мамыкин зашёл следом, а за ним ещё один человек. Высокий, с длинным узким лицом и модными очками без оправы на остром носу. Лара поздоровалась. Мужчина, склонив голову набок, пристально разглядывал её, не удостоив даже кивком. Потом удовлетворённо кивнул и

повернулся к Мамыкину. Тот сразу засуетился, усадил Лару в кресло, почтительно подвинул другое мужчине в очках и передал ему чёрную папку. Мужчина открыл её, ещё раз окинул Лару взглядом и, наконец, произнёс:

– Здравствуйте, Лариса. Не буду долго мучить вас неизвестностью. Смотрите, какая пресса ждёт нас завтра, – и он протянул ей газету.

Лара взяла её, ничего не понимая, но перевернула страницу. «Кто и как учит наших детей», – гласил заголовок.

«...На днях органам внутренних дел удалось раскрыть подпольный бордель. Среди задержанных «ночных бабочек» сотрудники полиции с удивлением обнаружили учительницу музыки города N. Хорошая подработка для педагога...» Далее, автор, пылая негодованием, призывал очистить от скверны школы и прочие заведения. Ниже имелась чёрно-белая фотография, на которой кучка полуголых девиц, пыталась прятать от камеры лица.

Лара дочитала и подняла глаза на мужчину в кресле напротив, лоб её пересекла вертикальная морщинка.

– Что это такое? Я не понимаю.

– Это значит, что вчера вечером вы были задержаны полицией в борделе, где за деньги оказывали мужчинам интимные услуги.

– Вы с ума сошли! – прошептала она севшим голосом. – Я вчера только приехала. И никогда раньше не была в вашем городе.

– Вы думаете, это имеет какое-то значение? – усмехнулся мужчина. – Кстати, завтра выйдет не только эта газета, но и на федеральном канале покажут. Долго ли после этого вас продержат в школе? А ваши родители? Каково им будет ловить косые взгляды соседей?

– Но вы ошибаетесь! Я никогда не была... – она оттолкнула от себя газету.

– А на это что скажете?

Перед ней веером легли цветные глянцевые фото. Она уставилась на снимки. Рыжая девица в купальнике, вернее, в том, что могло бы называться купальником, вертелась возле шеста. Снимков было много. Лара перебирала их руками и не могла прийти в себя. У девицы на фото было её лицо, только с вызывающе вульгарным макияжем.

– Но как это возможно? – она подняла глаза. – Я никогда не... Ничего не понимаю. – Лара замолчала. – Что вам нужно?

Остроносый тонко усмехнулся.

– Похвально, что вы сразу задаёте правильные вопросы. Мне нужна от вас небольшая услуга. Совсем простая. Если согласитесь, этот инцидент будет забыт. А некоторая материальная компенсация, надеюсь, скрасит его ещё больше. Дело в том, что вы чертовски похожи на одну барышню. И нам надо, чтобы вы просто сыграли роль в небольшом спектакле.

– Какую роль? – Лара мысленно уже представила инфаркт у отца. Нет, родители ей, конечно, поверят, а вот остальные...

Вместо ответа перед ней выложили ещё пачку фотографий. Мужчина и женщина в обнимку, они же за столом в ресторане. Они же стоят, держась за руки на морском берегу. Рыжая женщина и... мужчина, который не так давно ворвался к ней в номер и разодрал на ней платье. Лара сглотнула сухим горлом.

– Кто это?

– Сергей Волков и его жена. Не так давно она пропала. Вы притворитесь его женой. Всего на несколько недель. Пустяки.

– Вы с ума сошли? – Лара отшатнулась. – Как можно не узнать свою жену? Он слепой?

– Да, вы должны будете постараться. От этого зависит ваша судьба. Насчёт внешнего сходства не беспокойтесь. Вы и так очень похожи, а мы ещё и поможем в этом.

– Я не смогу, – Лара замотала головой. – Нет, нет!

– То есть вы готовы разрушить свою жизнь? Причинить горе близким?

– Они никогда не поверят. Это незаконно! В конце концов, я пойду в полицию! – Лара вскинула гневные глаза.

– Уверю, вы ничего не добьётесь. В полицейском протоколе есть ваша личная подпись, ваше фото и прочие доказательства.

– Это всё подделка!

– Можете потом подать в суд, если хотите, – усмехнулся мужчина.

– Зачем вам это?

– Вы узнаете, когда выполните первую часть задания – убедите Волкова, что вы его жена. Оставляю вас тут подумать. Решайте.

Лара осталась в комнате одна и тут же вскочила. Дёрнула дверь, проверила окна: всё было закрыто наглухо. Она в ловушке, и даже если сможет убежать, этот человек всё равно выполнит свою угрозу: навсегда опозорит её имя. По лицу побежали слёзы от сознания собственного бессилия.

– Вот и славно, – сказал остроносый, зайдя в комнату через некоторое время. – Я знал, что вы примете правильное решение. – Пойдёмте, я провожу вас, отдохнёте, пообедаете, потом продолжим.

Глава 4

Комната, в которую её привели, находилась на втором этаже, в окно просматривались деревья и где-то вдалеке слышался шум проезжающих на большой скорости автомобилей. Плазменная панель на стене беззвучно показывала сериал. Мамин любимый, отметила Лара машинально и села на кровать, занимающую почти половину пространства. Рука её прошлась по шёлковому покрывалу. Она так устала, что, казалось, голова сама клонится вниз. «Надо бежать, – думала она и тут же возражала: – Как? Ни паспорта, ни денег». Вскоре ей принесли обед. Мрачного вида мужчина вкатил тележку, уставленную тарелками, и вышел, даже не взглянув на робко съёжившуюся пленницу. Лара думала недолго. Еда была вкусная, и она съела сколько могла, а потом прилегла на кровать и уснула.

Снился ей Лёшка, такой, как в то лето, когда у них всё началось: загорелый, в чёрной футболке, с коротко стриженными волосами. Она стояла у вагона и смотрела на него сквозь окно, Лёшка махал ей рукой и корчил рожицы. Лара смеялась, стараясь не показывать печали от предстоящей разлуки.

Лёшка уходил в рейс, месяца на три, сказал, а как на самом деле, бог знает. Накануне они жарко обнимались в темноте его спальни. Мать его возилась во дворе, слышались грохотанье ведер и недовольное ворчание. Лара стеснялась делать это прямо у Лёшки в доме, но он был так настойчив, так сжимал её в горячих руках, что она положила в конце концов голову ему на плечо и позволила увлечь себя на низкий диванчик, застеленный вытертым пледом. Он медленно стянул с её плеча узкую бретельку ситцевого сарафанчика и клюнул сухими губами в ключицу. Вторая бретелька съехала с плеча. Лёшка ладонями провёл по её бокам, стягивая лёгкую ткань вниз. В полумраке её незагорелая грудь сияла как две луны. Лёшка обхватил губами маленькую горошину соска и потянул вверх. Лара смущённо хихикнула. Требовательные руки мяли её, горячее дыхание обжигало шею.

– Хочу тебя, – глухо бормотал он, – хочу.

Она всё ещё отпихивала его, отворачивалась от жёстких губ, но оба понимали, что это просто игра. Лёшкины руки скользнули под сарафан, потянули его вверх, Лара приподнялась, давая ему возможность снять его совсем. Теперь она лежала перед ним в одних трусиках. Лёшка сдёрнул футболку, зашвырнул её куда-то в сторону окна, туда же отправились джинсы, сел прямо на её плотно сомкнутые ноги и провёл ладонями по впалому животу, упёрся в острые косточки под тонким кружевом. Лара шумно вздохнула, поймала его руки, сплела его пальцы со своими, потянула на себя. Он лёг сверху, тяжёлый, горячий, вдавив её всей массой в хлипкий диван, жалобно скрипнувший.

– Ты ждать меня будешь? – его хриплый голос вызвал в ней дрожь.

– Всегда, – шепнула она. Её пальцы пробежались по желобку его позвоночника, забрались под трусы-боксеры, оттянули их вверх и отпустили, резинка шлёпнула его по спине.

– Шалишь? – выдохнул Лёшка ей в ухо и поцеловал. Впервые по-настоящему. Припал ко рту, раздвинул языком упрямо сжатые губы, вобрал в себя её замерший вскрик.

Лара замерла от этих новых ощущений, прислушиваясь к себе. Было немного смешно и чуточку страшно, будто всё, что происходило сейчас на скрипучем диванчике, было своего рода инициацией, посвящением, что вот-вот сейчас ей должна и непременно откроется самая важная тайна на свете. Лёшка тем временем целовал её всё настойчивей, прошёлся по шее, ключицам, груди, сильно дунул прямо в пупок, заставив хохотнуть от щекотки, и, наконец, медленно стянул кружевную тряпочку вниз. Она согнула ноги, помогая ему.

– Лёша, нет! – громким шёпотом вскрикнула она, почувствовав его дыхание прямо там, внизу, меж широко раздвинутых коленей. Он схватил её руки и плотно прижал к бёдрам, Лара испуганно замолчала и тут же тихо вскрикнула, когда его язык проник туда, где уже и так

было влажно. Её сотрясло неведомой ранее дрожью. Его язык двигался внутри, задевая какие-то чувствительные точки, которые, видимо, были в этом потаённом месте и о которых она раньше и понятия не имела. Она крутила головой, билась ей о подушку, сжимала зубы с риском раскрошить их.

– Кричи, – приказал-попросил Лёшка и снова ринулся в атаку на беззащитную плоть.

Робкий стон вырвался из её плотно сомкнутых губ, спина выгнулась дугой, горячая волна прокатилась от промежности до горла и хлынула обратно. Ноги до самых пальцев, стали неведомыми и тонко звенели. Кожа горела, растворяясь, словно все сосуды и капилляры разом выступили наружу, и теперь каждое прикосновение причиняло неимоверную сладкую боль.

– Ох, – всхлипнула она.

Лёшка приподнялся, и его пальцы нырнули туда, где только что был язык, проникая так глубоко, как только возможно. Новая волна прошла по её телу, заставив корчиться в муках. Пальцы скользили внутри неё все быстрее и быстрее, она тяжело дышала, раздирая руками старенький плед.

– Прости, – вдруг сказал Лёшка, торопливо высвободил из трусов вздыбленную плоть и вошёл в неё одним точным движением.

Лара негромко охнула, ощутив боль, но Лёшка двигался в ней так уверенно, словно был с ней единым целым, и она подчинилась его ритму. Потолок над ней качался, взрываясь россыпью звёзд, она вылетела из тела и помчалась им навстречу.

– Детка! – Лёшка внезапно дёрнулся, словно пытаясь вырваться из ловушки.

Лара впиалась ногтями в тугие мышцы его спины, издала сдавленный стон, Лёшка коротко рыкнул и вдруг замер, сотрясаясь мелкой дрожью длинного накаченного тела, и только тогда она медленно выпустила его на свободу.

– Твою дивизию... – пробормотал он и перекатился набок рядом с ней.

Лара повернула голову. Лёшка шумно дышал, восстанавливая дыхание. Его рука скользнула по её мокрому от пота телу вниз, к лобку, Лара инстинктивно сжала ноги.

– Я ведь первый у тебя? – Она промолчала. – И последний, – шепнул он. – Ты моя, а я твой. Поняла?

Лара не ответила, только всхлипнула и уткнулась носом ему в шею.

– Ты плачешь? Тебе больно? – Лёшка прижал её к себе.

– Мне хорошо, – ответила она. – Так хорошо, как, наверное, никогда уже не будет.

– Глупышка, – хмыкнул он. – Будет. И не раз. Обещаю. Главное, дождись меня, детка.

Лара подскочила на кровати, вытерла ладонью мокрый лоб. Лёшка не простит, не поверит. Он ведь так мало её знает. Хотя дачи их родителей стояли рядом, Лёшка уехал поступать в мореходку, когда Лара ещё в школу ходила, и соседского мальчишку почти не помнила. Тем летом он приехал в отпуск. Утром Лара вышла на крыльцо с книжкой в руках и увидела на соседском дворе незнакомого парня в одних трусах. Тот махом вылил на себя ведро холодной воды, заорал, встряхнул широкими плечами, потряс мокрой головой. Солнце играло на его спине солнечными пятнами, перебегая с одного выпуклого бицепса на другой, и Лара невольно сделала шаг вперёд. Парень обернулся, заметил её любопытный взгляд и подмигнул. Мокрые трусы сползли с его плоского живота, открыв убегающую вниз дорожку тёмных волос, и Лара отвела глаза. В горле, груди стало так жарко, словно сгоряча хлебнула кипятку.

– Привет, соседка, – сказал парень, подходя к редкому частоколу, разделявшему дворы. – А ты, я смотрю, выросла. Не узнала, что ли?

– Д-доброе утро, – запнулась Лара.

– То-то и оно, что доброе, – усмехнулся Лёшка и ещё раз подмигнул.

Дверь открылась, появился тот самый остроносый в очках, посмотрел на неё и чему-то кивнул, растянув узкие губы в улыбке.

– Итак, начнём.

Он выложил перед ней толстую пластиковую папку.

– Это ваш муж, Сергей Волков, – перед ней легла фотография. В тёмном пиджаке и галстук Волков совсем не походил на утреннего визитёра. Лара даже подумала, что ошиблась, но потом узнала эти глаза, тёмно-голубые, почти синие. Они холодно и презрительно смотрели из-под широких бровей. – Вы вместе семь лет. Это ваш сын, – под нос ей сунули ещё одно фото: мальчик в джинсовом костюмчике, на трёхколесном велосипеде. Рыжие кудряшки падали ему на лоб.

– Сколько ему? – хрипло спросила Лара и прокашлялась, очищая горло.

Остроносый встал, налил в стакан воды и протянул ей. Она жадно выпила.

– Пять. Вам, то есть Марине Волковой, двадцать пять. Вы...

– Она что в восемнадцать лет вышла замуж? – перебила она.

– У вас хорошо с математикой. Да, так и есть.

– Что с ней случилось? Почему...

– Марина Волкова ушла из дома две недели назад и с тех пор не выходит на связь. Возможно, они поссорились. В полицию, во всяком случае, Волков не обращался.

– Почему вы думаете, что он не узнает... Что он примет меня за свою жену? Они так долго вместе. Даже если я и похожа, но голос, привычки... Их не подделаешь. Отпустите меня, – жалобно попросила она. – Из этого все равно ничего не выйдет. Он сдаст меня в полицию.

– Не думаю. Скандал не в его интересах.

– А он... кто?

– Вот, – остроносый протянул ей отпечатанную пачку листов. – Прочитать и выучить. Если кратко, то ваш муж человек состоятельный. И весьма. Владелец заводов, газет, пароходов...

– Вы хотите, чтобы я его обокрала? – отшатнулась она от внезапной догадки.

Остроносый скривился и презрительно усмехнулся.

– Не придумывайте ерунды. Для этого я бы нанял профессионалов. Нет. Делайте, что вам велено и не задавайте лишних вопросов. Вот это, – ещё одна фотография легла перед ней. – Волков Дмитрий Иванович. – Голос его дрогнул. – Отец Сергея. Ваш свёкор.

Лара подняла глаза на остроносого. Рот его кривила странная усмешка. Мужчина на фото был грузен и могуч одновременно. Жёсткий взгляд с прищуром, крепко сжатые губы, казалось, что он еле сдерживает страшные ругательства, рвущиеся наружу.

– А... – Лара поёжилась.

– Глава клана, – предупредил её вопрос остроносый, – вождь, большой босс, называйте это, как хотите. Вот тут вся информация по людям, с которыми вам придётся контактировать. Это нужно выучить, как отче наш. Буду спрашивать. Завтра утром приедет стилист, приведет вас в надлежащий вид. И запомните, для всех вы отныне Марина Александровна Волкова, в девичестве Углова. Ясно?

Она кивнула и проводила его немигающим взглядом. Хотелось ущипнуть себя до крови, выдрать кус мяса и, наконец, проснуться, или умереть. Другого выхода она не видела.

Глава 5

Шум кондиционера привычно нарушал кабинетную тишину. Сергей Волков откинулся в кресле и лениво щёлкал мышкой, переходя со страницы на страницу. Иногда он останавливался, делая пометки в ежедневнике. Собрание акционеров намечено на следующую неделю, ему предстоит убедить их в необходимости покупки Каменского завода.

Сделка назрела давно. Загибающееся предприятие само просилось в руки. Сергей предполагал, что эти динозавры будут стонать о предстоящих расходах. Да, придётся вложиться. Но... завод стоял на артезианской скважине и минералку делал вполне приличную. Когда-то. Бездарное руководство угробило некогда процветающее предприятие. А он откроет там филиал, и года через два, ну, может, через три, всё окупится. Да если даже просто возродить поставку минеральной воды, и то можно будет выйти на вполне приличные показатели. Но ему хотелось большего: там он создаст предприятие совсем нового типа. Уже и с итальянцами переговаривал, те готовы были разработать под этот проект производственную линию. Тут же представил гримасы на лицах акционеров: «Как? Зачем? Почему не купить по дешевке старое оборудование?». И всё в том же духе. Хорошо, что у него шестьдесят пять процентов акций. Можно диктовать. Но и палку перегибать тоже не следует. Главное, убедить отца. Отец... Сергей вздохнул, скрипнув зубами. Ладно, он уже говорил с ним и, кажется, тот согласился. Или нет? Официально отец в правление не входил, даже акции ни одной не имел, но все же понимали, что без его согласия в империи Волковых скрепка не шелохнётся. И если он скажет «да», то и все остальные тоже.

Телефон на столе зажужжал. Сергей скосил глаза. Костя.

– Сергей Дмитриевич, девку так и не нашли. Из гостиницы, как я говорил, её какой-то мужик на машине увёз, а номер и марку администраторша не запомнила.

– А ты где был? – сквозь зубы выдавил он.

– Да я отошёл-то на минутку всего. Сигарет купить да пожрать. Кто ж знал...

Сергей нажал отбой и выругался. Хочешь что-то сделать хорошо – сделай сам. Толку с таких помощников, как Костя, кот наплакал. Но одно хорошо – не болтлив и готов выполнять деликатные поручения. Ладно. Это не самая насущная проблема. Пропала и ладно. Он откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Да кого он обманывает? Это самая его насущная проблема. Наиважнейшая. Не было дня, чтобы он не думал о ней. О Марине. Куда она делась, чёрт её задери? Конечно, его посещали мысли, что с женой могло что-то случиться. Марина любила гонять по трассе, как Шумахер, и он не раз грозился отобрать у неё машину. Но если бы даже произошла авария или ещё что, её бы сразу нашли или в больнице, или в морге, а так, ничего. Ни следа. Мать её, пропив остатки разума, только и могла сообщить, что Марина ушла от неё, то ли за полночь, то ли раньше. Сама не помнила. Марина ездила к ней два раза в месяц. Готовила обед, мыла в ванне, пыталась привести в божеский вид. Хотя что там было приводить, непонятно. За тещей присматривала специально нанятая женщина, приносила продукты, убирала, готовила. Но Марина, с упорством идиотки всё равно моталась в эту убогую хрущёбу. «Она же моя мать, как ты не понимаешь», – говорила она, видя его выражение лица, после очередного визита. Сергей еле сдерживался, чтобы не сказать, что, по его мнению, надо делать с такими матерями.

Пила Углова не первый год. И до рождения дочери и после. Странно, что у этой пропитухи получился здоровый ребёнок. В молодости у неё, говорят, был хороший голос. Ей даже прочили карьеру певицы, но какая-то болезнь гортани поставила на всём этом большой жирный крест. Сперва она ещё пыталась лечиться, ездила в Москву к каким-то светилам и спустила на бесполезные процедуры все сбережения. Продала квартиру в центре, переехала в малогабаритную двушку. От кого она родила дочь, так и осталось тайной. Поначалу она, конечно,

ещё держалась в рамках, пила не сильно, но регулярно. А к моменту, когда Марина окончила девять классов, Углова-старшая уже и в больничке с белой горячкой полежать успела.

Сергей скривился, вспомнив, какую битву пришлось выдержать, когда он объявил о своей женитьбе. Отец только что ядом не плевался. Мог бы, так и наследства лишил, не задумываясь, но бизнесмен в нём пересилил родителя. Сергей щёлкнул мышкой, закрывая окна. С заставки монитора на него смотрела зеленоглазая рыжая бестия. Его любимая фотография. Медовый месяц в Италии, в Пьемонте. Виноградники, конные прогулки, неторопливые беседы с Луиджи о виноделии. «Сержио, покупай виноградник, становись моим партнёром. Будем делать лучшее в Италии вино», – белоснежно улыбался Луиджи. Сергей улыбался в ответ и качал головой: «Давай, лучше ты станешь моим партнёром. Приезжай в Россию. Будем делать водку». – «О! Русская водка! – закатывал глаза Луиджи. – Хороший бизнес». Сергей смеялся и тихонько тискал Маринкину коленку под столом.

Он покрутил шеей и потянулся, хрустнув плечами. Марина пару раз уже пропадала. Характер у неё был взрывной, что петарда китайская. Но чтоб так надолго, такого не было. Они и поссорились-то в тот раз по пустяковому поводу. Из-за отца опять. То есть снова. У отца вскоре намечался юбилей, шестьдесят лет. Отец тоже не пылал желанием видеть невестку, но тут всё-таки событие, потому лишних слухов не хотелось. Марина фыркала и кривилась, и грозила прийти на празднество в мешке из-под картошки. «Раз уж он меня быдлом считает, то и приду как быдло».

Как он обрадовался, когда Костя позвонил и сообщил, что, кажется, видел Марину в кафе и проследил за ней до самой гостиницы. Это было похоже на неё: сперва напакостит, потом не знает что делать, как разрулить ситуацию. Но он ошибся, хоть и не мог поверить своим глазам. Чертовщина, не иначе. Это ещё что. Вот через неделю, как Марина исчезла, ему позвонил Нефёдов, начальник службы безопасности. И вот тогда у Сергея медленно остановилось сердце.

– Тут мёртвую женщину нашли, Сергей Дмитриевич, – недрогнувшим голосом сказал Нефёдов. – Приметы сходятся. Но лицо сильно попорчено. Надо опознание делать.

– Где? – выдавил Сергей из себя.

– В Кругловском районе. Я сейчас в морге при местной больничке.

Михаил помолчал секунд пять, собираясь с мыслями. Круглово почти сто километров от них. Он с ума сойдёт пока едет.

– Фото пришли, – сухо сказал он.

– Сейчас. Но лицо и правда не очень...

– Левое бедро сними. Лицо... не надо.

Через минуту звякнуло оповещение. Михаил сжал зубы и открыл сообщение.

– Нет, – с облегчением выдохнул он, – это не Марина. Но труп пусть к нам привезут, хочу убедиться. Хочу быть уверен.

– Ну и хорошо, – также с облегчением отозвался Нефёдов.

Два дня Лару нещадно экзаменовали: «День рождения твоего сына? День рождения мужа и свёкра? Какую школу ты окончила? Как зовут твою мать?» Мамыкин, экзаменовавший её, всё время утешительно похлопывал по руке или по коленке и постоянно облизывал пересохшие губы. Она гадливо морщилась и путалась в лицах и датах. В окружении Волковых оказалось слишком много народа. С трудом она выучила всех обитателей дома и ближайших родственников. Попутно её терзали всякими процедурами по улучшению внешности. Сначала мазали волосы каким-то едким составом, потом мыли, сушили, и ещё раз мазали, потом красили. Она безропотно терпела, но когда принесли платье, очнулась и наотрез отказалась. Платье больше напоминало нижнее бельё. «Меня не было дома почти месяц, и я что, вернусь к мужу, одетая

как, простите...», – она замялась, не смея произнести это слово. Остроносый растянул губы в улыбке, как бы показывая, что Лара недалеко от истинной сущности своей новой ипостаси. Имя своё он ей, кстати, так и не сказал, лишь пояснил усмехаясь: «Меньше знаешь, лучше спишь».

Платье ей в результате заменили брючным комбинезоном из синего летящего шёлка. Лара всё трогала гладкую и такую приятную на ощупь ткань, которая мягко обволакивала тело, лаская кожу. Себя она не узнала. Из зеркала на неё глянула незнакомка с мерцающими зелёными глазами и буйной огненной шевелюрой. На шее поблескивало кольцо с изумрудного цвета камнями. Глаза словно подпитывались от них, вбирая в себя зелень. Лара знала коварное свойство своей радужки, потому и старалась носить всегда что-нибудь неяркое, бесцветное. Она отшатнулась от зеркала, словно увидела там что-то неприятное. Остроносый, принимая работу, обошёл её кругом, как корову на рынке, потом взял за подбородок сухой прохладной рукой, повертел во все стороны, и вроде как остался доволен. Во всяком случае, что-то пробормотал и дал команду Мамыкину. Лара уже была в таком изменённом состоянии, что, если бы ей сказали, что сейчас её принесут в жертву некоему божеству, с радостью побежала бы на алтарь. Но вместо этого Мамыкин отвёл её в машину, усадил, вручил сумку и повёз навстречу судьбе, по дороге без устали повторяя инструкции.

Недалеко от стоянки такси на городской площади Мамыкин её высадил. На улице ярко светило солнце, перемещались люди, слышалась негромкая музыка из открытых дверей кафе. Она сжала в руках сумку и направилась в сторону группы таксистов, ведущих неспешный разговор в ожидании пассажиров. Высокие каблуки под ней коварно подламывались, один раз она даже негромко вскрикнула, больно вывернув лодыжку.

– Девушка, такси желаете? – обратил на неё внимание один из водителей, с зажатой во рту сигаретой.

Лара даже ответить не успела, как к ней подскочил мужчина в клетчатой рубашке навыпуск и чёрных джинсах.

– Остынь, Олег! Моя очередь, – он подхватил Лару под руку и бережно развернул в сторону крайней на стоянке машине. – Осторожнее, тут яма. А тут лужа.

– Нет, вы видели?! – раздался за их спиной возмущённый гул. – Без году неделя, а что позволяет!

Таксист усадил Лару на переднее сиденье, сам запрыгнул в салон и тут же выехал со стоянки.

– А что делать прикажете? Конкуренция, так её растак, – добродушно рассмеялся он. – Кто успел, тот и съел. Работы мало сейчас. Лето, отпуска. Вот дожди начнутся, там пойдёт дело. Куда едем?

Лара назвала адрес. Водитель кивнул и продолжил болтать. Говорил он больше для себя, чем для пассажиров, но Лара всё равно кивала и поддакивала. Чтобы не думать о том, что ждёт в конце пути. Вернее, кто.

– Домой едете? Замужем? – сыпал вопросами любопытный таксист.

На приборной доске висела визитка. «Травкин К.Л. – такси по городу и области. Быстро и недорого». Увидев заинтересованный взгляд, водитель вытащил из кармана точно такую же карточку и протянул Ларе.

– Мало ли куда ехать соберётесь, звоните. Доставлю в лучшем виде.

Лара сунула карточку в сумку, отметив пальцы мужчины – длинные и тонкие – такие могли принадлежать музыканту. Она, вообще, часто обращала внимание на людские руки: иногда они многое говорили о человеке ещё до знакомства. Руки водителя, крепко держащие руль, были тёмно-коричневы от загара, левая кисть, видимо, травмированная, плохо разгибалась. На гладко выбритой правой щеке тянулась тонкая ниточка шрама. Водитель – опасная профессия, подумалось ей, наверное, жена часто беспокоится о нём. Мама тоже места себе не находила,

пока отец на флоте служил. Папе не так давно исполнилось пятьдесят семь, а этот, кажется, моложе. Просто морщин много, и шрам возраст придаёт.

– Ну вот, приехали, – услышала она, и сердце учащённо забилося. Неужели ей придётся войти в этот дом?

Такси подкатило к ажурным кованым воротам. Лара опустила окно и, вспоминая инструкцию, помахала в камеру рукой. Ворота медленно разошлись в стороны. Такси захрустело шинами по засыпанному красным гравием подъездному пути, плавно огибающему большую клумбу перед крыльцом Волковского особняка. Лара протянула водителю деньги и вышла.

Она видела этот дом на фотографиях, но не думала, что вблизи он окажется таким огромным. Полукруглое широкое крыльцо вело к дверям с полуколоннами по обеим сторонам. Сверху на уровне второго этажа нависал выступ с панорамным окном от края до края. Окна третьего этажа имели вытянутую форму со скошенными сверху углами. Справа от дома блестели стеклянные панели оранжереи, соединённые с основным зданием крытым переходом. Слева торчал корпус обслуживающего персонала. С обеих сторон открывался вид на идеально подстриженные газоны и симметрично стоящие деревья. Лара мысленно перекрестилась и взбежала на крыльцо. Дверь открылась, и ей навстречу выскочила миловидная блондинка приблизительно сорока лет.

– Марина Александровна! – ахнула она.

Лара просто кивнула и быстро прошла мимо женщины в дом. «Алевтина Юрьевна Шаповалова, – вспоминала она инструктаж. – Домработницей у Волковых уже три года. Любопытна и болтлива». И вроде та её признала, уф! Дверь открывалась прямо в большой холл. Паркет из разных пород дерева складывался в причудливый орнамент. Лара поймала себя на мысли, что хочет снять обувь, и с усилием заставила себя не озираясь, рассматривая интерьер, ведь она как бы живёт тут уже целых семь лет. Она прошла сразу к лестнице и поднялась на второй этаж. Так, тут не ошибиться комнатой. Вот, кажется. Толкнула дверь, вошла, увидела, что угадала, и чуть не съехала по стенке прямо на пол.

Туфли она всё же сбросила и пошла по тёплому, приятному на ощупь полу босиком. Комната Марины по площади, наверное, равнялась всей родительской квартире. Лара прошла глазами по низкому дивану кремового оттенка, по люстре в виде переплетённых между собой лилий, по графическим панелям на стенах с абстрактным рисунком. Потрогала пышный букет в вазе, явно собранный руками опытного флориста.

Дверь справа вела в ванную комнату. Лара застыла на пороге. Она никогда не видела ванных с окнами во всю стену. Мраморная чаша купели неправильной овальной формы могла вместить в себя человек пять. Кругом стояли плоские вазочки с пахучими лепестками и прочими банными штучками. Общий стиль – золото и шоколад. Лара подошла к окну. Из него просматривался вид на задний двор участка. Куда-то вдаль убегала мощённая красно-розовой плиткой дорожка, виднелся цветник, и меж деревьев блестела река. Какой надо быть уверенной в себе, чтобы спокойно раздеваться тут перед этими окнами, не опасаясь чужих взглядов.

Она нашла вход в гардеробную, где при желании могла жить небольшая семья из двух человек. Ярусы вешалок, Эвересты обувных полок. Комод с нижним бельём. Она подцепила пальцем и вытащила чёрно-красное кружево, бросила его обратно и задвинула ящик. Слава богу, на полке нашлись туфли хоть и на высоком, но устойчивом широком каблуке. В этих она, пожалуй, сможет хотя бы идти, не спотыкаясь на каждом шагу.

Лара спустилась на первый этаж. Пока хозяина нет, можно осмотреть дом, чтоб не путаться в дверях. Остроносый специально отправил её днём, когда Волкова нет дома. Теперь Лара ходила по дому, пытаясь соотнести то, что она видела на фотографиях с реальностью. Вот там гостиная, тут библиотека, левее выход в оранжерею. На третьем этаже детская и игровая комнаты. В гостиную она заглянула и вышла, а в библиотеке задержалась. Тут были необыч-

ные, ромбической формы, полки и ослепительно белый концертный рояль. Лара невольно прижала руки к груди. Подошла потрогать лакированную поверхность. «Бехштейн». Она и не мечтала когда-нибудь прикоснуться к такому инструменту, робко откинула крышку, пробежалась пальцами по белым костяшкам. До-ре-ми-фа-оль-ля-си... Лара подвинула крутящийся стул, подогнала под свой рост, села и легко опустила руки на клавиши. Играла сперва негромко, словно боялась разбудить кого-то. Но потом пришло то самое золотое свечение, отрезавшее её от внешнего мира, и она забыла обо всём.

Дверь распахнулась, Лара вздрогнула, сбилась, пальцы упали с клавиш на колени, она вскочила, уронив стул.

– Мама! – закричал рыжий мальчик и бросился к ней. Подпрыгнул, повис словно обезьянка, цепляясь руками и ногами. Ей ничего не оставалось, как только подхватить его и прижать к себе.

Глава 6

Лара прижимала к себе мальчика и смотрела на полненькую невысокую девушку, стоящую в дверях.

– Здравствуйте, Вера, – выдавила из себя Лара. Ромкина няня растерянно улыбнулась.

– Мам, а что ты играла?

– Шопен, прелюдия ми минор, – машинально ответила она и опустила мальчика на пол.

– А раньше ты не так играла, – сказал Рома и ткнул пальцем по клавише. – Ты вот так играла. – Сбивчивая мелодия в его исполнении отдалённо напоминала собачий вальс.

– Какой ты молодец, – Лара подняла стул, села и усадила мальчика на колени. – А такую песенку знаешь? – Она наиграла и пропела простенькую ученическую мелодию на одной ноте.

Рома старательно стучал по клавише, проговаривая слова:

– Ан-дрей во-ро-бей не го-няй го-лу-бей...

– Марина Александровна, – Вера подошла ближе, – у Романа сейчас английский язык. Преподаватель уже приехал.

– Не хочу! – заартачился Рома. – Не хочу учить этот дурацкий английский! Мама, ты больше не уедешь? Мама, а у меня столько новых игрушек! Пойдём, покажу!

– Так, – Лара встала и взяла Рому за руку, – английский язык не дурацкий, а очень нужный. Пойдём учить его вместе. Покажешь, сколько ты уже знаешь. А потом посмотрим новые игрушки.

Лара шла за Верой в комнату для занятий и всё говорила и говорила, не отпуская руки мальчика. Ей казалось, что только он может спасти её от того ужаса, в котором она пребывала последние дни.

Сергей неторопливо вошёл в дом, постоял и двинулся на кухню. Нажал кнопку кофемашины. Подышал носом, прикрыв глаза. Кулаки его сжимались и разжимались, будто он готовился к выходу на ринг. Он взял чашку, хлебнул напиток, ещё раз подышал глубоко и часто и вышел в гостиную. Посмотрел на Алевтину, изваянием застывшую у камина. На его немой вопрос глазами, она так же глазами показала вверх. Сергей кивнул и пошёл по лестнице в сторону детской.

Лара сидела рядом с Ромой на полу и расставляла игрушки.

– Вот это будет твоя армия, а это моя, – командовал Рома.

Лара против воли улыбалась. Мальчик был смыслённый и для своих лет довольно-таки развит. Она знала, что Рома ходит в элитный детский сад, плюс занимается английским, верховой ездой и плаванием. К тому же никакой детской картавости и шепелявости.

Комната была полна игрушек и электронных гаджетов. Кровать в виде гоночной машины стояла у дальней стены. Напротив неё расположился спортивный уголок с канатом, лестницами и шведской стенкой. Тут же валялись самокат, гироскутер и ролики.

– Давай в Энгри бёрдз сыграем? – Рома схватил джойстик. Лара растерялась, она ничего не понимала в компьютерных играх.

– А может, лучше книжку читаем? – кивнула она на полку.

Рома посмотрел на неё внимательным взглядом.

– Я люблю, когда ты сама мне рассказываешь. Ты мне сегодня сказку расскажешь? Ту, про Красную Шапочку? Мою любимую.

Лара кивнула и прислушалась. Кто-то подошёл к двери с той стороны, и сердце её провалилось вниз. Сергей Волков, «муж», вошёл в комнату и присел рядом с сыном. На Лару он даже не взглянул.

– Привет, боец, – он потрепал его по голове. – Как дела?

– Хорошо. Мы с мамой играем.

– Вижу. Мне бы с мамой поговорить. Ты как тут один не заскучаешь?

Рома помотал головой.

– Только недолго. Мне мама сказку обещала.

– Раз обещала, значит, расскажет.

Он поднял Лару за руку и вывел из комнаты. Вниз по лестнице на второй этаж, до спальни Волкова, Лара шла на негнущихся от страха ногах.

– Ты... – он припёр её к стенке рукой, – ты перешла все мыслимые границы. Ты не представляешь, что я пережил за это время!

Лара сглотнула. Он стоял так близко, горьковатый запах его парфюма смешивался с запахом её страха. Она физически ощущала его гнев и своё бессилие. «Я должна с ним спать? – спросила она остроносого. – Я не смогу...» – «Мне без разницы, как вы будете решать эту деликатную проблему, – ответил он. – Мне важно, чтобы вы остались в доме на правах жены. Как вы этого добьётесь, дело ваше». А ведь он так и не сказал, что ему от неё надо. Что ей прикажут сделать? И ведь они её потом точно не отпустят живой, отчётливо поняла она. И это осознание огромной беды, в которую она попала, внезапно накрыло её с головой так, что свет в глазах померк.

Волков подхватил её, почти сползшую на пол, и переместил на кровать. Сквозь полузакрытые веки Лара видела, как он всматривается в её лицо, хмурится, нервно кусая губы.

– Я не ваша жена, – выдохнула она и зажмурилась. Мужчина молчал. – Это правда, – горячо заговорила она. – Поверьте! Я...

Он взмахнул рукой и легко ударил её по губам. Лара вскрикнула и прикрылась локтем. За всю жизнь её ни разу никто не ударил. Если Волков бил свою жену, не удивительно, что она могла сбежать. Сергей сдёрнул её с места и потащил за собой.

– Сергей Дмитриевич, – Алевтина всё так же стояла в гостиной, – ужинать будете?

– Чуть позже, – ответил он. – Прогуляемся сперва. Перед ужином. Да, дорогая?

Лара шла за ним, как овечка на закланье. Никто ведь не знает, что случилось с Мариной. Почти все были уверены, что она сбежала. Мол, это в её характере. А может, всё проще? Волков убил свою жену, потому и в полицию не стал заявлять? Зачем он тогда в гостиницу к ней приходил и ломал комедию? Нет, наверное, все же его жена и правда пропала.

Они прошли красно-розовой дорожкой через широкий газон, миновали небольшую рожицу и вышли к ступенькам, ведущим на пристань. Там покачивалось несколько катеров и лодок. На берегу стоял гидроцикл. Сергей провёл Лару по пирсу и затащил в похожий на вытянутую каплю катер, толкнул в белое кожаное кресло. Она выросла на реке, но сейчас тёмная вода, плещущая в пластиковые борта, пугала её до животного ужаса. Сергей отвязал швартовый конец, встал к штурвалу, и катер неторопливо отошёл от места стоянки.

Катер мчал по реке вдоль по течению, иногда закладывая виражи, и тогда стена воды на секунду зависала то над одним, то над другим бортом и шумно обрушивалась вниз, обдавая Лару холодным душем. Тёмные пятна расплзались по синему шёлку, словно кровь, замёрзшие соски дерзко обозначились под тонкой тканью. Сергей заглушил мотор и повернулся к ней.

– Рассказывай!

Лара забормотала, не смея поднять глаз.

– Вы приходили ко мне в гостиницу, приняли меня за свою жену. Я не виновата. Они заставили меня это сделать...

Сергей сел на соседнее сиденье и развернул её за плечи к себе.

– Кто они?

Лара замотала головой.

– Не знаю. Тот, кто меня пригласил в Филармонию, Мамыкин Аркадий Петрович. Но я уже не уверена, что это его настоящее имя. А второй... второй, вообще, не сказал, как его зовут. Такой высокий, худой. Они газету показывали, а там... а я ведь никогда... я просто музыку преподаю, – она всхлипнула.

– Что им нужно?

Лара опять замотала головой и пожала плечами.

– Вы меня убьёте? – воскликнула она вдруг. Внезапно цель этой поездки стала ей ясна как никогда.

Сергей не ответил, встал к штурвалу и снова повёл катер по водной глади. Лара вцепилась одной рукой в борт, другой в кресло. Временами катер словно зависал над водой, настолько высока была его скорость. Ветер трепал волосы Сергея, раздувал пиджак за его спиной, рвал огненные Ларины кудри. Она низко нагнула голову, уже не вполне понимая, где находится и что с ней дальше будет. Внезапно катер остановился. Сергей повернулся, посмотрел на неё, скинул пиджак и накинул ей на плечи.

– Значит, так. Ты останешься в доме и будешь делать всё, что попросят эти твои наниматели.

– Они меня не нанимали! – воскликнула Лара.

– Ты будешь делать всё, как им нужно, предварительно рассказав всё мне. Поняла? – Лара кивнула. – Для всех – ты моя жена.

– Простите, вы...

Резкий удар по щеке откинул её голову назад.

– Я сказал, что ты должна вести себя как моя жена, а жена не говорит своему мужу «вы». У неё из глаз потекли слёзы.

– Я только хотела спросить... Ведь вы не будете заставлять меня...

Последовал ещё один удар, и она съёжилась на сиденье, закрыв лицо руками.

– Ты, – выплюнул Сергей. – Говори мне «ты». Иначе я буду бить тебя, пока ты не запомнишь. Ясно?

Лара вытерлась и перевела дух.

– Ты... – она сглотнула. – Ты не должен меня заставлять спать с собой. Я тебе никто, и ты не имеешь права...

– Со своей женой я буду делать всё, что захочу, – скривился Сергей. – Раньше надо было думать, когда соглашалась на эту аферу.

– Я не соглашалась! – она скинула пиджак. – Как вы... ты не понимаешь! Меня заставили! И не смей меня больше бить! Никогда!

Сергей поднял пиджак, снова накинул ей на плечи, внимательно посмотрел в лицо, провёл тыльной стороной ладони по опухшей щеке (Лара вздрогнула).

– Разберёмся, – сказал он и включил мотор.

Вскоре катер подошёл к пристани. Сергей выскочил на пирс, помог Ларе выбраться. По дороге она захромала: туфли натёрли пятку. Сергей посмотрел, как она стоит на одной ноге, морща лицо, и подхватил на руки. Ей пришлось обнять его за плечи, чтобы удержаться.

– И вот ещё, – сказал он, приблизив к ней лицо, – никогда не начинай разговор со мной на эту тему сама. Если ты хочешь сказать мне что-то важное, произнесёшь: «Мне скучно». Запомнила?

Лара кивнула, вытаращив глаза. Они вошли в дом. Сергей так и нёс её до самой комнаты. Лара мельком увидела любопытные глаза Алевтины и её ухмылку, когда та разглядела следы пощёчин на лице.

Нефёдов сел в машину, когда ему позвонили.

– Виталий Маркович, Марина Александровна нашлась, – сообщил голос на том конце эфира.

Нефёдов сглотнул.

– Где?

– Вы не поверите, сама приехала. Домой. Как ни в чём не бывало.

– Спасибо, – сухо поблагодарил он и минут пять ещё сидел в машине, не заводя мотор.

Значит, живая. Всё это время он занимался поисками самостоятельно. Волковы категорически не хотели привлекать к этому делу полицию. Машину, конечно, в розыск подали, но результата не было. Он ежедневно просматривал полицейские сводки, благо связи хорошие. Несколько раз выезжал на опознание подходящих по приметам неопознанных трупов. Виталий барабанил по рулевому колесу. Значит, нашлась. И хорошо. Гора с плеч. Записная книжка в кармане жгла грудь. Он вытащил, полистал. За последний месяц в области убиты две молодые женщины со схожими параметрами: рыжеволосые, с зелёными глазами, астенического телосложения. Причина смерти у всех одна: удушение. Предварительно изнасилование. У одной был вырезан язык, у другой выколоты глаза. Всё это преступник проделывал ещё с живыми жертвами. Чисто по старой ментовской привычке копать глубже, Нефёдов сделал запрос, неофициальный, конечно, на более длительный срок и нашёл ещё два трупа рыжих женщин, а потом ещё и ещё. На протяжении пяти лет в области с весны по начало осени пропадали рыжеволосые женщины, то одна, то две. Их изуродованные тела находили потом где-нибудь в лесополосе, недалеко от населённых пунктов.

Виталий Нефёдов в свои пятьдесят два считал себя законченным циником. Жизнь несправедлива к тому, кто не умеет с ней договориться. Виталий договариваться умел. Или думал, что умел. Во всяком случае, пока у него получалось. Он подержал в руках исчерканный записями блокнот. Марине просто повезло. Она могла стать следующей, но не стала. Конечно, хорошо бы узнать, где она провела это время, но вряд ли она снизойдёт до беседы с ним. Марина считала его человеком Волкова-старшего и правильно делала. Нефёдов открыл окно, размахнулся и кинул блокнот в ближайшую урну. Чёрный «Геленваген» тронулся с места, выехал с парковки. В салоне ожил плеер, и хриплый голос под гитарные аккорды заполнил салон. Нефёдов кивал в такт речитативу про книжных детей, не ведавших битв, и постукивал ладонью по кожаной оплётке руля.

Сколько же всего убито за пять лет, а может, и не за пять? Он крепко зажмурился и помотал головой. Уймись, ты больше не мент, давно не мент, и слава богу. Хватит с тебя этого дерьма. На этой работе тоже дерьма хватает, но за него хорошо платят. «А ведь это про меня Владимир Семёнович сейчас поёт, – подумал Нефёдов, – про таких как я, которые не вступили в борьбу с палачом, про тех, которые ни при чём. Голос в динамиках хрипел, разрывая душу.

– А чтоб тебя! – громко крикнул Виталий и выкрутил руль влево, пролетев под носом у многотонной фуры, яростно загудевшей ему вслед.

«Геленваген» ворвался на парковку, взвизгнув тормозами. Кое-кто из припозднившихся сотрудников, копавшихся у своих автомобилей, удивлённо смотрели, как начальник службы безопасности (не самый последний человек в компании), бежит к урне и залезает в неё руками по самые плечи.

Глава 7

К столу Лара вышла в сером вязаном платье. В гардеробе Марины было много таких вещей, которые Лара и носить-то не знала как. Сперва хотела надеть джинсы, но не решилась. Бог его знает, как тут у них принято. А платье – это как бы по-домашнему и в то же время прилично. Она нерешительно замешкалась, не зная, какое место выбрать. Волков встал, отодвинул ей стул напротив себя. Последним прибежал Рома, сел рядом с ней. Вера села по другую сторону от мальчика, скромно потупив глаза. На вид двадцать с небольшим, широкие плечи, большая грудь, русые волосы заплетены в косу, жёлтая блузка, серая юбка. «Интересно, она ведь влюблена в него наверняка, – подумала Лара. – Вон как смущается, встречаясь с ним взглядом». Ужин проходил в молчании, лишь нянька и Рома изредка нарушали тишину. Вера уговаривала подопечного съесть тушёные овощи. Рома капризничал и требовал сосисок. Лара улыбнулась. Стол завален деликатесами, а ему сосисок хочется. Дети! Волков сосредоточился на поедании отбивной. Лара втянула ноздрями ароматный запах мяса. Она такая голодная, прямо слюной сейчас подавится. Перед ней же поставили тарелку с зелёными стеблями, политыми бледно-жёлтым соусом. Это всё? Она вскинула глаза на Алевтину.

– Что-то не так, Марина Александровна? – спросила домработница. Вера уставилась на них и даже жевать перестала. – Спаржа на пару под голландским соусом, – чуть обижено промолвила Алевтина. – Как вы любите.

– Всё в порядке, – выдавила из себя Лара и ткнула вилок в зелёную массу. – Мне приятно, что вы помните моё любимое блюдо. – Наверное, сегодня можно съесть что-то более существенное. Мясо, например. Всё-таки я с дороги и немного проголодалась.

– Конечно, – улыбнулась Алевтина одними уголками губ, забирая у неё тарелку. – Сейчас принесу.

Волков посмотрел на неё долгим взглядом. Лара ответила тем же. Она не знала, откуда в ней взялось столько храбрости смотреть ему в глаза. Может быть, от обиды, когда он бил её по лицу, в ней родился дух протеста. Но тут ей принесли тарелку, на которой скворчало только что пожаренное мясо. Она еле сдержалась, чтобы не насадить его на вилку и не начать обгрызать со всех сторон.

– А почему маме принесли другую тарелку, а мне нет? – захныкал Рома. – Не хочу это есть! Не буду! – он оттолкнул блюдо.

Волков скривился. У него не было сил разбираться с капризами сына. В обычный день он решил бы всё быстро. Но не сегодня.

– Принесите ему сосиску, – велел он.

– У нас нет, – тихо сказала Алевтина. Она всё время обеда так и стояла чуть справа от стула Волкова, готовая в любой момент подать, принести, убрать. – Вы же никогда их не заказываете. Это вредно. И совсем не для ребёнка.

– Хочу сосиску! – не унимался Рома. – Хочу!

– Да откуда он, вообще, эту сосиску взял? – всплеснула руками Алевтина. – Он же и не ел их никогда.

– Это он на дне рождения у Алика был, – еле слышно пробормотала Вера. – Там хот-догами угощали.

Алевтина закатила глаза.

– Может, мясо вместо сосиски? – предложила Лара. – Давай мой кусок пополам? Ничуть не хуже будет.

Рома радостно кивнул. Лара отрезала половину от своей порции отбивной и положила на тарелку Ромы. Тот тут же насадил мяса на вилку и принялся обгрызать прямо так, как это чуть не сделала она сама минуту назад. Лара опустила глаза и принялась за еду, отрезая

маленькие кусочки розовой телятины. Мясо, казалось, таяло во рту. Гарниром служил салат из руколы и болгарского перца, политый лимонным соком. Лара чуть не застонала от вкусовой эйфории. Волков смотрел на неё с каким-то странным выражением на лице. Лара даже застыла на секунду. Она что-то делает не так? Ножом и вилок она пользоваться умеет, не чавкает, пальцы не облизывает. Тогда в чём причина?

– Вкусно, Ром? – спросил Волков.

– Ага, – Рома утёр рот рукавом. – Папа, а мама меня обещала на рояле играть научить. Знаешь, как она сегодня играла? Как в телевизоре.

За столом повисла странная тишина. Волков еле заметно дёрнул краешком рта.

– Вина? – он взял бутылку и налил в бокал тёмно-красный напиток. – За твоё возвращение.

Она сделала крохотный глоток. Вино, с лёгкой горчинкой, обволокло нёбо и разлилось по пищеводу.

– Вкусно, – удивилась Лара.

– Твоё любимое, дорогая. Из виноградника Луиджи. Он передавал тебе привет.

– Спасибо, – она прижала ко рту крахмальную салфетку. – Как у него дела?

– Снова ждёт нас в гости. На сбор урожая. Снова предлагает стать его компаньоном. Всё как всегда.

– И, как всегда, ты отказался, – улыбнулась Лара и сделала ещё один маленький глоток, с удовольствием отметив, как вытянулось лицо у «её мужа». На самом деле внутри у неё тонко звенела туго натянутая струна. Ещё немного и она выбежит из-за стола с громкими воплями и требованием выпустить её отсюда. Она посмотрела на бокал и допила вино тремя большими глотками. В животе разлилось тепло и жаркой волной ударило в голову. Лара потрогала щёки. Они горели. Веки словно наливались свинцом и, похоже, что опухали.

Волков бросил обеспокоенный взгляд.

– Простите, – Лара выскочила из-за стола и быстро прошла к себе в комнату.

В ванне она плеснула в лицо водой и посмотрела на своё отражение. По лбу и щекам разливались неровные красные пятна. «Тихий ужас!» – она, пошатываясь, доползла до кровати и упала плашмя. Её знобило, глаза слезились.

Дверь отворилась.

– Не смей уходить из-за стола без разрешения. Ты ставишь меня в глупое положение, – раздражённо бросил Волков, стремительно подходя к кровати.

Лара повернулась, он увидел ее опухшее лицо и негромко чертыхнулся.

– Если у тебя аллергия на вино, не надо было пить, – он прошёл в ванную. – Прими. Это антигистаминное, – Волков вернулся и протянул ей блистер. – У Марины тоже была аллергия на вино, поэтому она пила не больше двух глотков.

– Я не знала, что у меня аллергия. Я вино никогда не пила, – Лара села и выковыряла из блистера таблетку.

– Лучше две, – посоветовал Волков. – Рома тебя ждёт. Ты обещала ему сказку.

Рома, уже переодетый в пижаму, ждал её сидя на кровати.

– А где книжка? – спросила Лара, подойдя ближе. Таблетки, кажется, помогли, потому что отёк спал.

– Зачем? – Рома вытаращил синие глазёнки. «Как у отца», – машинально отметила Лара. – Ты же мне сама рассказывала. Без книжки.

– Ну, да, – Лара присела рядом. – Какую сказку, напомни?

– Да про Красную Шапочку же! – нетерпеливо подпрыгнул Рома на кровати.

– Хорошо. Только ты ложись, а я сейчас начну. – Она откинула одеяло, и Рома с недовольной гримасой залез под него. – Ну, слушай. Жила-была девочка. Мама сшила ей красную шапочку и девочке она так понравилась, что та отныне носила её не снимая. И теперь её все так и звали – Красная Шапочка. И вот как-то раз мама попросила отнести бабушке пирожки. Бабушка жила на другом конце леса и заболела. Красная Шапочка взяла корзинку и пошла в лес. Мама строго-настрого запретила ей останавливаться и разговаривать с кем-либо...

– Да нет, не так же! – Рома подскочил на постели. – Ты же не так раньше рассказывала.

– А как же тогда? – Лара почесала нос.

– Ну, жила-была девочка, и звали её Красная Шапочка. Потому что волосы у неё были красного цвета. А мама у девочки сильно болела, потому не могла за ней ухаживать. И Красная Шапочка всё делала по дому сама. И готовила, и убирала. А потом мама послала её к бабушке. Пирожки отнести и узнать как дела. Телефона потому что у них не было никакого. И вот Красная Шапочка пошла и заблудилась. Потому что увидела поляну с цветами и решила нарвать букет для бабушки. И пока рвала, перепутала тропинки и пошла совсем в другую сторону. Всё. Дальше давай ты рассказывай.

– Хорошо, только ты ложись и глаза закрой. – Лара подоткнула Роме одеяло. – Пошла Красная Шапочка по этой неправильной тропинке и встретила Серого Волка. Испугалась, конечно. Думала, волк её съест. Но волк был хитрый и не стал есть Красную Шапочку. «Здравствуй, девочка, – сказал он, – что ты делаешь в этом лесу и куда идёшь?» – «Я иду к бабушке и несу ей пирожки, – ответила Красная Шапочка, обрадовавшись, что волк вроде не собирается её есть. – Только я заблудилась». – «Не беда. Иди по этой тропинке и придёшь к самому дому». И Красная Шапочка пошла. Но хитрый волк отправил её по длинной тропинке, а сам побежал по короткой...

Тут Лара увидела, что Рома уже спит, подложив ладошки под щеку. Она погасила верхний свет. Ночник в виде месяца мягко освещал комнату. Лара облегчённо вздохнула. Теперь бы самой добраться до кровати. Ей казалось, что она уснёт, едва коснётся подушки, но возле двери в спальню стоял Волков. Он молча взял её за руку и повёл за собой, и она поначалу покорно шла, но потом, догадавшись куда, сделала попытку вырвать руку. Волков лишь сильнее сжал её запястье и буквально впихнул в свою комнату.

– Мы так не договаривались! – возмущённо прошипела Лара.

Ни слова не говоря, он затащил её в ванную, такую же большую, как и у его жены, но в строгой черно-серой гамме.

– Во-первых, мы договаривались: ты будешь делать всё то, что делала бы Марина, будь она здесь. Во-вторых, моя жена не умеет играть на рояле.

– Но...

– Просто не подходи к нему. Ясно?

Лара кивнула.

– А теперь иди и ложись в постель.

Она помотала головой.

Волков вздохнул.

– Те, кто отправил тебя сюда, должны думать, что их план удался. Что мы помирились и спим вместе.

– Я не могу. У меня жених есть, – Лара шмыгнула носом, ощущая близкие слёзы.

– Халат там, – он кивнул на пенал в углу. – Переодевайся и приходи в кровать. Иначе я тебя сам раздену. Хочешь?

Лара замотала головой. Волков вышел. Кусая губы, она открыла дверь пенала, вытащила первый попавшийся халат и расстегнула пуговку на платье.

Волкова в комнате не было. Лара робко постояла, потом быстро забралась в кровать и задвинулась в самый дальний угол. Волков вернулся и скрылся в ванной, зашумел душ. Когда он вышел, слава богу, в халате, Лара была близка к истерике.

– Не смей меня трогать, – выпалила она. – Я в окно брошусь.

Волков щёлкнул выключателем и лёг на кровать, прямо на одеяло.

– Спи. Мне не до твоих истерик. Я устал, как чёрт.

Через несколько минут его дыхание стало ровным, и Лара с удивлением поняла, что он спит. Она задвинулась ещё дальше, благо гигантская кровать позволяла, накрылась одеялом с головой и тихонько заплакала. Слезы, накопившиеся за день, наконец нашли выход.

Глава 8

Он уснул быстро и так же быстро проснулся, буквально через несколько минут, и установился в невидимый потолок. Постепенно тьма рассеялась, проявив неясные контуры мебели и отблеск уличного света в зеркале из-за неплотно зашторенных портьер. Пустота супружеского ложа последних дней сменилась привычным чувством заполненности. «Маринка вернулась», – окатило его радостью и тут же полоснуло горечью. Женщина рядом с ним не Марина. Нет. Он крепко зажмурил глаза. Но как же похожа. Вчера за столом она сказала: «И ты, как всегда, ему отказал», – с той же интонацией, что и Марина. Да, голос был совсем другой. Лишь немного похож, но у Марины проскальзывали грудные тёплые нотки. Она могла, если хотела, говорить так, что у него по телу разливались топлёные сливки. Он мог кончить от одного её голоса, иной раз Марина ухитрялась позвонить ему на телефон прямо во время какого-нибудь совещания и начать рассказывать, что именно она в данный момент примеряет и как выглядит в том, что на ней надето. И это доводило его почти до кульминации, так что приходилось задвигаться вместе с креслом глубже под стол, чтобы скрыть своё состояние. Сколько ручек и карандашей он переломал во время таких звонков. И как не просил её перестать хулиганить, так и не смог прекратить эти звонки. Да и не хотел.

А может, это всё же какой-то розыгрыш? Марина могла. Фантазия у неё всегда была бурная. Но Михаил же осмотрел эту девицу в гостинице. Он врать не будет. Единственный человек, которому Волков мог доверять. Михаил никак не связан с его семьёй и, вообще, далёк и от бизнеса, и от политики. Просто врач. Очень хороший врач. Кто бы мог подумать, что из шалопая и раздолбая получится лучший в районе женский доктор. А ведь в армии, где они служили и вместе драили бляхи и пуговицы, Михаил мечтал стать хирургом. И Сергей ему даже завидовал. У него-то планов на будущее не было, вернее, будущее ему уже запланировали, и он относился к этому с мнимым смирением. В военкомат он пришёл сам, хотя уже числился студентом МГУ. Отец возражать не стал на удивление. Только, видимо, приложил некие усилия, чтоб отпрыска не послали в зону боевых действий. А ведь было у Сергея такое намерение. Но после учебки его отправили в тихую часть, где он с Мишкой и подружился: земляки всё-таки.

Сергей пошевелился, подтыкая под голову подушку, тихие вздохи и всхлипы рядом тут же смолкли. Вот тоже мне оскорблённая невинность, и ведь, глядя на это личико, так и подумаешь. Но зачем-то она призналась? Хотя если не дура, поняла, что он её обязательно разоблачит. Даже если бы и не случилось этой встречи в гостинице, он бы всё равно заподозрил подмену. Они похожи, да, но абсолютно разные. Он вспомнил, как эта, как её... Лариса, сидела за столом: спина прямая, словно аршин проглотила, локотки к бокам прижаты, только пальцы по скатерти что-то выстукивают. Маринка вся была как ртуть: ни минуты спокойно, движения быстрые, но плавные, ежесекундная смена эмоций на лице. Она запросто становилась на мостик и так же легко вставала. В её теле, казалось, и вовсе не было костей. Что же это за чертовщина вокруг творится? Кто-то под него копает. И он выяснит кто. Да, понятно, что многим не даёт покоя Волковский бизнес. Самый лакомый кусок – ликёроводочный завод. Сергей руководил им уже семь лет, поначалу вынужденно, потом увлёкся. В Пьемонте, где он прожил без малого год, все были помешаны на виноделии. Ему тоже нравился процесс. Брожение, ферментация, купаж. Фанатик Луиджи и его заразил.

Взяв бразды правления заводом, Сергей какое-то время просто тупо исполнял обязанности, потом от скуки стал вникать в технологию. Увлёкся. Да так, что уже оформил несколько патентов. Особый успех получил фирменный ликёр «Волчья кровь». Даже отец оценил, а его не так-то просто удивить. Дмитрий Волков руководил этим заводом с начала девяностых. Мог бы и дальше, если бы не захотелось ему царём стать. Пусть и маленьким, но царём.

Сергей не выдержал, встал, вышел на балкон. Ночная прохлада освежила голову, раздраемую сотней мыслей. Положиться не на кого. Кругом или люди отца, или конкуренты. Нефёдов хороший спец, но предан Волкову-старшему. Отец не должен узнать о подмене, во всяком случае, пока он сам во всём не разберётся. Но если Нефёдову не сказать о том, что это не Марина, он не будет её дальше искать. Но ведь где-то она есть. «Где же ты, моя рыжая?» – спросил он у сильно погрызенной луны. Ответа не было. Сергей оперся руками на балюстраду и глянул на сверкавшую в ночи реку. Интуиция или какое-то почти звериное чутьё подсказывали, что Маринки больше нет. То есть совсем нет. Но разум отказывался верить.

Сергей глянул на часы. Пора вставать. Самозванка рядом с ним спала, свернувшись клубочком, поджав под себя руки. Рыжие кудри разметались по подушке. Он тронул её за плечо, она пошевелилась, но не проснулась. Сергей встал, отдернул шторы. Яркий свет ворвался в комнату, женщина вздрогнула и прикрылась рукой.

– Марина, – позвал он, делая усилие, чтобы назвать её именем жены. Сел рядом. – Марина! – На него уставились испуганные глаза. – Я на работу. У меня совещание. Никуда не уходи. Приеду днём, пообедаем вместе. Поняла?

Она моргнула.

– Да, поняла, – голос хриплый со сна.

– Приведи себя в порядок, – бросил он поднимаясь. – Если что, звони. Телефон на столе.

Дверь хлопнула. Лара приподнялась и снова упала на подушку. Она не помнила, как уснула, проплакав полночи. Заставила себя встать и поплелась в ванную. В зеркале отразилось опухшее от слёз лицо, с тёмными кругами под глазами. Кожа на лице чесалась: вчера она не смыла косметику. Лара оглядела ряды баночек с кремами и лосьонами. Подошла к мраморной ванне. Подумала немного и повернула вентиль. Тугая струя ударила в дно, пузырясь и создавая маленькие водовороты. Лара внимательно осмотрела ландшафт за окном. Тихо, пусто, покойно. Скинула халат, ступила ногой на гладкую поверхность мрамора, добавила горячей воды, опустилась, откинула голову на бортик и вздохнула. Пусть это будет всего лишь сном, подумала она. Всего лишь ужасным сном. Она плеснула в лицо пригоршню воды. Нет. Не сон. И надо как-то выбираться из этого кошмара.

В столовой сидел Рома, болтал ногами и пил молоко из чашки.

– Мама! – он бросился к ней. – А я в садик еду. А ты куда?

– Никуда. Останусь дома тебя ждать, – она обняла его и погладила по голове. – Ты поел?

Рома кивнул, и Вера его увела. Послышался звук мотора.

– Марина Александровна, что будете на завтрак? – Алевтина пытливо уставилась на неё.

– Кофе с молоком и омлет, – с некоторой запинкой ответила Лара и по кивку домработницы поняла, что угадала. Чёрт бы побрал этого Мамыкина и его подельника. Они ни слова не сказали о привычках Марины. Даже то, что она не играет на пианино. Телефон забрали и строжайше запретили звонить родителям, но пообещали отсылать эсэмэски от её имени каждый день. А вдруг мама решит позвонить? Она же с ума сойдёт, если Лара ей не ответит.

Находиться в доме не было сил, и она вышла во двор. Посидела в беседке, окружённой цветником. Дошагала до реки. Постояла и вернулась. Хорошо, будет гулять по угодьям, пока не придет «муж». Зачем она поддавалась уговорам этого Мамыкина? Сидела бы сейчас дома, занималась ремонтом классов. Лара тряхнула головой. Нет, Мамыкин ведь приехал к ней специально. Увидел её фото в газете и решил сказочкой про филармонию выманить сюда. А она повелась на лесть, совсем как бедная Красная Шапочка. И как теперь выпутываться одному богу известно. Сожрут её серые волки, совсем. И косточек не оставят. Им же что-то нужно от

неё. Скорее бы они объяснили, что именно хотят. Неизвестность пугала больше, чем грядущая опасность.

На дорожке возле дома показалась мужская фигура. Лара прислонила руку козырьком ко лбу? Волков приехал. Так быстро? Человек решительным шагом шёл к ней, и Лара запнулась на ходу. Мужчина в льняном пиджаке, высокий, почти как Волков, но с более широкими плечами и крупной головой на бычьей шее. У неё по спине пробежал озноб.

– Здравствуйте, Марина Александровна, – поздоровался он.

Лара кивнула и, сглотнув, выдавила:

– Здравствуйте, Виталий Маркович. – Она узнала начальника службы безопасности Нефёдова. «Вот с этим будьте осторожны, – предупреждал её остроносый. – Бывший мент. Нюх, как у ищейки. Заподозрит что-то, не отстанет».

– Рад вашему возвращению, – Нефёдов улыбнулся одними губами. – Сергей Дмитриевич уж больно переживал. Гуляете? Позвольте составить компанию.

Что ей оставалось делать? Она вынужденно кивнула. Они пошли в сторону небольшой рощи, где были проложены песчаные аллеи, и стояло несколько деревянных скамеек с гнутыми чугунными ножками.

– А у меня к вам серьёзный разговор, Марина Александровна. – Нефёдов остановился и повернулся к ней так, что она оказалась к нему лицом к лицу. – Конечно, можете не отвечать. Но всё же надеюсь на понимание. Где вы были всё это время?

Лара стиснула вспотевшие ладошки.

– Не думаю, что это имеет какое-то значение. Сергею я всё рассказала, а других это не касается, – проговорила она, уставившись глазами в землю.

– Согласен. Но это не праздное любопытство. Я думаю, что с вами случилась какая-то неприятная история. И если это так, я должен знать. Во-первых, это моя работа, во-вторых, я мог бы вам помочь.

Лара вскинула глаза. Нефёдов говорил так, будто знал правду. Ей стало страшно.

– Со мной ничего не случилось, – помотала она головой. – С чего вы взяли?

– С того, что я думаю, что вас или похитили, или шантажировали. Я прав?

– Похитили? – Лара нервно хохотнула. – Зачем?

Нефёдов посмотрел на неё как-то странно и дёрнул щекой.

– Затем, что вы жена очень богатого человека и за вас можно получить неплохой выкуп.

Лара широко распахнула глаза и снова помотала головой.

– Если я прав, то их надо найти. В следующий раз они могут похитить вашего сына? Вам это не приходило в голову?

– Вы ошибаетесь, – сказала она так уверенно, как только могла. – Я просто решила отдохнуть от семьи. Наверное, это звучит не очень красиво. Но это так. Никто меня не похищал и... не шантажировал. Простите, но у меня дела, – и пошла, почти побежала, к дому.

Нефёдов хмуро смотрел ей вслед, гоня желваки на скулах. Он и не рассчитывал на откровенность, но попытаться был должен. И правильно сделал. Марина ему лгала и была чем-то сильно напугана. Так напугана, что даже на себя прежнюю не походила. Она запнулась на слове «шантажировали». Значит, он прав.

Нефёдов сел в машину и набрал редко используемый, но знакомый наизусть номер. Абонент ответил сразу, словно ждал его звонка.

– Привет, Виталич! Как жизнь?

– Потихоньку, брат, потихоньку.

– Не устал ещё на капиталистов работать?

Нефёдов усмехнулся в трубку. Собеседник видеть его не мог, но наверняка догадался.

- Что скалишься? Ты же не просто так звонишь?
- Да почему... Думал, коньяку с тобой выпить. На досуге.
- Досуг нам только снится. Ты же знаешь. Приезжай ко мне. В обед. Заодно и коньяк опробуем. Мне тут армянского подогнали.
- А компрометации не боишься?
- Бояться тебе надо, друг, – голос собеседника звякнул металлом.
- Понял. Не дурак, – Нефёдов отключился и задумчиво погрыз корпус телефона.

Начинался новый день, но проблемы предстояло решать старые. «Я и сам старый», – понял он, мельком глянув на себя в зеркало заднего вида. Хотя буквально недавно считал себя ого-го! Что-то случилось с ним за последние полгода, что-то чего он ещё не понял, не осознал. Здоровье, как у быка, а сил нет. Совсем выдохся.

Глава 9

Лара вернулась в дом и смотрела через окно в гостиную, как Нефёдов садится в машину и выезжает через большие кованые ворота на дорогу. Надо рассказать Волкову про эти странные вопросы. Ей даже захотелось, чтобы он скорее приехал. Тревога, чуть было утихшая, снова проснулась и принялась вгрызаться в яремную ямку на горле, от чего Лара готова была разодрать себе шею до крови. Она подышала часто-часто, успокаивая нервы, как делала обычно перед концертами. Ей нужен кофе. Крепкий и чёрный. Она шагнула на кухню. У плиты стояла незнакомая женщина. Плотная, с пучком седых волос на голове. Лара кашлянула, но та даже внимания не обратила, и лишь когда Лара хлопнула дверцей холодильника, обернулась и расцвела дружелюбной улыбкой.

– Мариночка, вот и свиделись. Вот не дают на пенсии спокойно отдыхать. Сергей Дмитриевич просил выйти. Ну как я ему откажу.

Лара натянуто улыбалась, слушая болтовню женщины, мучительно перебирая в уме лица с фотографий из папочки остроносого. Нет, не было там её. Кто же она такая? Судя по всему, Марина должна её знать. Женщина продолжала говорить, и Лара прислушалась.

– ...сам позвонил-то, нашёл время. Поработай, Нина Васильевна, а то Алевтина уже давно в отпуск просится, а заменить некем. Тебе только и доверяю. А я что... я с превеликим удовольствием. Сначала-то думала, ох, хорошо на пенсии – сиди, ничего не делай. А потом заскучала...

– Алевтина уехала? – удивилась Лара. Ещё утром домработница и не заикнулась о предстоящем отпуске. Видимо, Волков решил избавиться от болливой не в меру obsługi. Хотя Нина Васильевна тоже не молчуны.

– А вот и Сережёнчик приехал, – сказала Нина Васильевна, не отрываясь от плиты.

Лара прислушалась, но так и не поняла, с чего она это взяла. Но Волков действительно приехал. Встал на пороге кухни, окинул взглядом Лару, Нину Васильевну, гремющую сковородками.

– Предлагаю пообедать в ресторане, – он сделал приглашающий жест. – Нина Васильевна, мы поехали. Рома приедет в три. Пусть обедает без нас.

Нина Васильевна внимательно смотрела на него и кивала, широко улыбаясь.

– Пойдём, – Сергей взял Лару за руку и повёл за собой, но не на выход, а по лестнице на второй этаж. – Она почти глухая, – повернулся он к ней, стоя на две ступеньки выше. – По губам читает. Я решил, что так будет лучше.

Лара кивнула и покорно пошла за ним дальше. Её роль в этом трагифарсе сводилась к уровню статиста. Протестовать и требовать изменить сценарий не в её силах. Волков открыл дверь спальни и пошёл напрямик в гардеробную. Ларе только и оставалось, что изумлённо следить за его действиями. Сергей быстро перебирал вешалки.

– Вот, – он бросил на кровать одну. – Переоденься и с лицом что-нибудь сделай. Даю десять минут.

Лара застыла на месте.

– Приезжал Нефёдов, – выпалила она. – Он...

Сергей стремительно придвинулся и прижал её голову к своей груди, больно прихватив сзади волосы на уровне шеи.

– Дорогая, ты забыла главное правило? – прошепел он ей в ухо. – Если тебе скучно, стоит только сказать.

Лара сдавленно охнула, шумно вдохнув воздух. Нос, почти расплющенный о грудную клетку Волкова, щекотал незнакомый запах парфюма, с нотками цитруса и мха. Волосы на шее ещё раз дёрнули.

– Я помню, – просипела она. – Мне скучно. Отпусти.

– Переоденься, – её подтолкнули в сторону ванной комнаты. – У меня мало времени.

Лара схватила плечики и метнулась за дверь, щёлкнула замком, привалилась к стене. Он не должен с ней так поступать. Поморгала, сиюминутно загнать слёзы обратно, сняла прозрачный чехол: слава богу, платье в меру строгое, с фигурным вырезом горловины, без рукавов. И к нему жакет. Лара глянула в зеркало. Что можно сделать с лицом? Она открыла дверцу шкафчика. Ряды баночек и кисточек заполняли полки. Её рука вытащила наугад одну из палеток.

Ровно через десять минут Сергей дёрнул за ручку ванной.

– Время вышло. Выходи, – скомандовал он, впрочем, не сильно надеясь на успех. Замок щёлкнул. Марина встала на пороге, нервно перебирая руками по платью. «Да нет же, не Марина», – повторил он себе который раз. Окинул женщину придирчивым взглядом. Приподнял подбородок, повертел во все стороны. Пальцем снял излишки тонального крема на носу. Она отшатнулась. Сергей отстранил её от себя, рассматривая платье. Что-то не так. Женщина неловко повела плечами.

– Там молния, – тихо сказала она. – Я не смогла...

Сергей развернул её спиной, окинул глазами дорожку позвонков, убегающую вниз. Убрал рыжий водопад волос, положил одну руку на талию, другой медленно потянул язычок молнии вверх. Острое чувство дежавю кольнуло в грудь и неожиданно в пах. Сколько раз невинная просьба застегнуть молнию заканчивалась противоположным: снятием одежды и... Он стиснул зубы и развернул женщину к себе.

– Сойдёт, – признал он и опустил глаза: узкие босые ступни с поджатыми пальцами неловко переминались на полу. – Туфли не забудь.

На её щеках ярко вспыхнул румянец. Женщина резко развернулась и скрылась в гардеробной. Волков усмехнулся. Обиделась? Ничего, переживёт

В комнате, как всегда, царил полумрак. Шторы были плотно задёрнуты, и только одинокий торшер освещал пятachок с двумя креслами и сидящих в них мужчин.

– Как там наша подопечная, Аркадий? – спросил один, вольготно раскинувшийся на сиденье.

– Вроде справляется, – Мамыкин плеснул в бокал из грушевидной бутылки.

– Вроде – неправильный ответ. Должна справляться на отлично.

Тот развёл руками.

– Ты понимаешь, что стоит на кону? – его собеседник нагнулся и приблизился к нему. Его узкое лицо с острым носом в свете жёлтого электрического света блеснуло оскалом. – Если дело не выгорит, нам с тобой лучше самим в землю зарыться и надгробие сверху привалить. Ясно?

Мамыкин икнул и поставил на стол бокал с тёмно-янтарной жидкостью.

– Знаю, – глухо ответил он. – Пока всё идёт нормально. Не вижу повода для паники.

– Пора навестить её. Надо переходить к следующему этапу.

– Как скажете, Кирилл Геннадьевич, – Мамыкин всё же донёс коньяк до рта и залпом выпил.

– Не налегай, ты мне к вечеру в трезвом уме нужен, – Кирилл Геннадьевич опёрся руками о подлокотники и выдернул себя из мягких объятий кресла. Его высокая, прямая как жердь фигура скрылась за дверью.

Мамыкин посмотрел на почти полную бутылку, пугливо глянул на выход и вороватым движением плеснул в бокал коньяк, затем опрокинул в себя, булькая горлом. Тонкая струйка вытекла изо рта и потекла к воротнику рубашки. Глаза его выкатились, он шумно выдохнул,

помахал рукой перед открытым ртом и сунул туда дольку лимона. Вот теперь хорошо, теперь можно и делами заняться.

Их приняли с почётом и проводили до столика у широкого панорамного окна, на низком подоконнике которого в деревянных кашпо густо цвела лаванда. Лара раскрыла приятно шершавое меню. Прошлась глазами по ценам, мысленно вздрогнула. Неужели кто-то ест овощной салат за тысячу рублей?

– Что тебе заказать, дорогая? – спросил Волков.

Лара подняла на него глаза и перевела их на официанта. Молодой человек в белой рубашке и тёмно-синем жилете терпеливо ждал с излишней почтительностью во взгляде.

– Уху из сёмги со сливками и котлеты по-киевски с овощным гарниром.

Сергей мысленно вздрогнул. В последний раз они с Мариной обедали тут, и она заказала почти то же самое.

– Ещё салат с креветками и кофе с молоком. Кофе сразу, если можно.

Вот тут Сергей ещё раз удивился. Теперь заказ совпадал почти на девяносто процентов.

– То же самое, – кивнул он официанту. – И ещё два стакана морковного сока.

– С сельдереем? – уточнили у него. – А на десерт рекомендую семифредо с фисташками и брусничным соусом. Сегодня особенно удался.

Сергей молча кивнул.

– Тебе рассказывали, что предпочитает моя жена? – спросил он, когда официант отошёл достаточно далеко.

Лара покачала головой. Её пальцы выстукивали по краю стола болеро. Она вскинула глаза на Волкова и быстро спрятала руки под стол.

– Мне мало что рассказали про... неё. Я совсем не знаю, как себя вести. Нефёдов задавал вопросы, мне кажется, он что-то подозревает.

Сергей нахмурился. Нефёдов совсем обнаглел, если посмел заявиться к нему в дом и допрашивать его жену.

– Что именно он спрашивал?

Лара не ответила, взгляд её словно прирос к чему-то у входа, и в нём, Сергей мог поклясться, мелькнул страх. Нет, даже ужас. Волков с усилием заставил себя не поворачиваться. Мимо прошёл официант.

– Прошу вас, – он отодвинул стул, усаживая нового посетителя за соседний стол.

– Нет, я вот сюда, пожалуй, сяду, – мужчина в рубашке-поло и лёгких слаксах, сам отодвинул стул и устроился прямо за спиной Ларисы. – Мне латте, чизкейк и побыстрее.

Сергей видел его макушку с намечающейся лысиной и мясистые уши. Лариса смотрела на Сергея широко раскрытыми, почти круглыми глазами.

– Дай руку, – он протянул ладонь, – у меня сюрприз. – Сергей вынул из кармана плоскую бархатную коробочку. Браслет обхватил тонкое запястье. – Как тебе?

Лара подняла руку, рассматривая золотую безделушку. На витой цепочке висели три подвески с цветными камешками.

– Красиво, – выдавила она. Сергей ощутил дрожь в её голосе.

Он подтянул к себе её руку, поднёс к губам тонкие пальцы, сжал сильнее, почувствовав, как напряглось хрупкое запястье. Мужчина за спиной Ларисы замер, Сергею даже показалось, что у него задёргались уши.

– Мне нужно позвонить, – поднялся он, – отойду на пять минут.

Лара проводила его долгим взглядом. Сзади кашлянули.

– Не оборачивайтесь, Марина Александровна, – предупредил голос. – Вижу, у вас всё идёт отлично. Поздравляю. Слушайте внимательно. Скоро вас пригласят на одно мероприятие.

Там к вам подойдёт человек и скажет: «Попробуйте Шабли две тысячи восьмого года». Вы отдадите ему одну вещицу, которую я вам сейчас передам. Вещицу будете беречь как зеницу ока. Если поняли, уроните что-нибудь на пол.

Лара секунду помедлила, потом, словно во сне, уронила на пол нож. Мужчина тут же нагнулся, Лара тоже, их руки встретились, и она почувствовала, как в ладонь легло что-то небольшое, продолговатое. Она медленно выпрямилась, крепко сжав кулачок с неизвестным предметом. Её трясло. На улице напротив окна стоял Волков и что-то бурно говорил в телефон, жестикулируя левой рукой.

– Будьте добры счёт, – сказал мужчина за ее спиной. Вскоре он поднялся и вышел, а через минуту в зал вернулся Волков.

– Это был один из них? – спросил он.

– Мамыкин. Он передал это, – Лара раскрыла ладонь. На ней лежала чёрная пластиковая зажигалка. Сергей сделал рукой жест и глазами показал «не здесь». – Он сказал, что нас пригласят на какой-то праздник, велел быть и отдать это кому-то.

– Хорошо, – Сергей кивнул. Принесли десерт. На квадратной тарелке лежало нечто фисташкового цвета, политое розовым соусом, украшенное ягодой физалиса, – Попробуй, это, действительно, вкусно.

– А если там бомба? – спросила Лара бесцветным голосом. – Что это за мероприятие и почему он решил, что меня обязательно пригласят?

– Юбилей у мэра, – пояснил Сергей. – Тебя обязательно пригласят. Нас.

Лара вскинула удивлённые глаза.

– Тебе не сказали? – теперь удивился он. Лара пожала плечами. – Глава города, Дмитрий Николаевич Волков – мой отец.

Глава 10

Хозяин кабинета встал Нефёдову навстречу, одёрнул китель и протянул руку первым. Гладко выбритый череп блеснул под ярким электрическим светом.

– Рад видеть, друг. Давненько не заглядывал.

– Аналогично, – Виталий крепко стиснул сухую мозолистую ладонь. – Что, Ринат Наилевич, всё так же гирьками балуешься?

Ринат усмехнулся.

– Какие гири, о чём ты, Виталич. Мозоли от ручки. Знаешь, сколько бумаг приходится писать? Смотри, какой пузан отъел.

Виталий чуть отстранился, сделав вид, что рассматривает старого друга. Прибедняется, Ринатик, ой, прибедняется. Да, не тот стройный юноша, что сводил с ума девчонок, но и не развалина. Ринат Бакаев всего на два года моложе его, а Нефёдов стариком себя не считал, отнюдь.

– Але-оп! – Ринат жестом фокусника сдёрнул салфетку с журнального столика в углу. – Как обещал, армянский. И закусочка. Лимонами пусть буржуи закусывают.

Виталий усмехнулся. Юморить Ринат не разучился. Они уселись друг против друга. Выпили по первой. Разговор начинать не спешили. Смаковали янтарную жидкость, гоняли во рту, оценивая терпкий вкус и вяжущее послевкусие.

– Как оно? – всё же не выдержал первым Бакаев. Нефёдов слегка пожал плечами, усмехнулся. – Не жалеешь, что ушёл? Сейчас бы на моём месте сидел, а я к тебе с отчётами бегал.

– Жалеть, не жалею, а вспоминаю часто.

Ринат прикрыл глаза и снова наполнил бокалы. Да, двадцать лет вместе отпахали. Всё могло быть иначе. Но случилось как случилось.

– Что там у тебя? – спросил он. Раз уж Нефёдов сам приехал, значит, что-то важное.

– Вот, – Виталий выложил перед ним блокнот, и пока Ринат читал про себя список фамилий, выпил ещё.

– Ты что-то зачастил, друг, – неодобрительно покачал головой Ринат. – И что это значит, – показал он глазами на список.

– Молодые женщины, рыжеволосые, зеленоглазые, убиты в нашей области за последние несколько лет.

– Где столько рыжеволосых нашли? – усмехнулся Ринат.

– Это не шутка. У тебя серия. И не делай вид, что не знаешь.

Ринат прикрыл глаза и минуту сидел не двигаясь.

– Как ты узнал? – он поднял на него тёмные глаза с набрякшими веками. – Давай откровенность за откровенность.

Нефёдов кивнул.

– Искал жену Волкова и наткнулся. Случайно сделали распечатку не за последний месяц, а за полгода, потом ещё глубже копнул.

– Случайно ли? Или сорока на хвосте принесла?

– Считаю, чуйка сработала.

– Жена Волкова, как, нашлась?

Нефёдов кивнул.

– А от меня что хочешь?

– Хочу знать, делаете вы с этим что-нибудь или нет.

– Зачем? – довольно искренне удивился Бакаев. – А... тебе, как всегда, за державу обидно?

– Считаю как хочешь. Но ответить мне должен. Уговор.

Бакаев встал и прошёл к стальному сейфу в углу. Повозился с набором кода и вскоре вынул пластиковую папку.

– Смотри, должностное преступление совершаю. Читай, только быстро.

Нефёдов вытащил документ на пяти страницах. Рапорт. Читал он минут десять. Медленно, запоминая имена и даты, знал, что скопировать информацию не дадут.

– И что? – он отложил документ. Если верить докладной, то в области уже не первый год орудует маньяк.

– А ничего. Я рапорт написал. Начальству, там, – Ринат показал глазами на потолок, – представил. Угадай, что мне ответили?

Нефёдов дёрнул щекой. Если с самого верха на явную серию глаза предпочли закрыть, значит, дело глухо.

– Ответили, что перед городскими выборами маньяк в области не к месту?

– Что-то вроде того. Ладно, если б точно знали, что возьмём гада к октябрю. Как раз подарок нынешнему мэру: рейтинг и прочее. А так как зацепок никаких, то решили не рисковать.

– По краю ходишь, Ринат. Журналисты пронюхают, не дай бог, с кого скальп снимут? А ведь утечка, вопрос времени. Пресса у нас независимая ныне. Говорят.

Ринат оскалил крупные жёлтые зубы и провёл ладонью по гладкому черепу.

– Так я готов, Виталич. Давно готов. Видишь, и скальп подготовил. Ну, что ещё по пять капель? Ты за рулём? – Нефёдов кивнул. – Тогда наливай.

– Пожалуй, да, – согласился Нефёдов. – Только до сортира добегу. Не те уж почки, не те.

Он скрылся за филёнчатой дубовой дверью и громко хлопнул стульчаком. Вытащил смартфон и отправил короткое сообщение. Спустил воду в унитазе, сполоснул руки. Хозяин кабинета терпеливо ждал его и широким жестом пригласил к столу, где уже плескался в бокалах коньяк.

– Не оставлять же, – кивнул на полупустую бутылку Бакаев.

– А вдруг ещё кто в гости заявится?

– Хороших гостей всегда найду чем угостить, а плохих, дай бог, не предвидится.

Виталий выпил, сунул в рот тонко нарезанный ломтик ветчины.

– Ты скажи, Ринат, что с этим делать-то намерены? Ладно, начальство: у него свои резоны. А у тебя? Так и будешь ждать очередного висяка? Или найдёте козла отпущения? Так ведь с этим нынче сложно, криминалистика сейчас не та, что раньше. Одних признательных показаний мало будет.

Ринат скрипнул зубами и тут же ослабил в широкой улыбке, показывая, что шутку оценил. Десять лет назад за убийство женщины задержали её мужа: группа крови на жертве совпала, и соседи дали показания, что супруги часто ссорились. Нефёдов тогда землю рыл, чтобы до правды докопаться, нюхом чуял, что дело нечисто, но так ничего и не смог доказать. Тогда и написал прошение об отставке. И только когда внедрили повсеместно генетическую экспертизу, выплыла правда: кровь на жертве принадлежала не мужу. Отправили дело на пересмотр, осуждённого оправдали, но Виталий уже год как на Волковых работал и ни капли не жалел о принятом в запале решении.

– Что делать, то наша забота. А тебе, Виталич, я это, – Ринат кивнул на рапорт, – показал, чтобы ты понял: мы в курсе. Так что иди себе спокойно. Не лезь в это дело. У тебя теперь другая жизнь, другая работа. Оно тебе надо?

– Пожалуй, так и сделаю, – Нефёдов встал. – Рад был повидаться. Дай бог, ещё встретимся. Желательно по другому поводу.

Бакаев усмехнулся.

– В одном городе живём, Виталич. Поводов для встречи найти не проблема. Обращайся, если что. За руль-то сам сядешь? Правами не боишься рисковать, или тебе сам чёрт не брат?

Нефёдов кивнул.

– Волков бояться, в лес не ходить. А мне тем более.

– Похоже, не я, а ты по краю ходишь. Ладно, бывай.

Нефёдов сел в машину, посидел с минуту. Достал блокнот и быстро, убористым почерком, записал данные из докладной, которые отчётливо осели в памяти. «А ведь склероз тебе не грозит, – похвалил он себя. – Это всё нужно осмыслить. Завтра займусь». Он медленно тронулся и не спеша вырулил на дорогу. У первого перекрёстка притормозил и ловко перекинул тело на пассажирское сиденье. Дверь со стороны водителя открылась, за руль уселся парень в джинсовке и тут же тронулся с места. Нефёдов натянул ремень безопасности.

– Куда едем, Виталий Маркович?

– Пока прямо. Там посмотрим. Оружие не брал, Олег?

– Как велели. Пустой. Даже без кастета.

Нефёдов кивнул. Олег работал у него уже год и показал себя довольно смыслёным. Именно ему было отправлено сообщение с приказом ждать недалеко от полицейского управления. Бакаеву Виталий когда-то доверял, но с тех пор много воды утекло, и нынче он за старого друга и гроша ломаного не даст.

Их остановили через пять минут, как раз тогда, когда Нефёдов уже решил, что переборщил с подозрительностью. Автоинспектор не спеша подошёл к автомобилю, заглянул в открытое окно и лицо его заметно вытянулось. Нефёдов сокрушённо покачал головой. Молодец, конечно. Чуйка не подвела, но лучше бы подвела. Всегда больно убеждаться в своих прогнозах. Ах, Ринат, старый чёрт, что ж ты так скурвился!

Автоинспектор, наскоро проверив документы, козырнул и пожелал счастливого пути.

– Куда дальше?

– Теперь давай на работу.

Но на работу не получилось.

– Виталий Маркович, похоже, хвост.

Нефёдов резко открыл глаза.

– «Ниссан» сзади. Видно, от самых гайцов за нами едет. Уходим?

– Нет. Езжай к «Пирамиде». Встанешь на парковке, будешь ждать моего звонка. Машину заблокируй.

У торгового центра «Пирамида» Нефёдов вышел и быстро скрылся за стеклянными дверями. Спустился на эскалаторе в супермаркет на минус первом этаже, набрал Олега, узнал, что «Ниссан» припарковался в соседнем ряду. Человек за рулём «Ниссана» остался в машине.

– Отъедь-ка от магазина, посмотрим, поедет за тобой или нет. Если да, дуй к конторе, оставь машину на территории, если нет, подъезжай к центру с задней стороны. Жди у чёрного хода.

«Ниссан» за Костей не поехал. Нефёдов медленно ходил меж рядов с товарами, изредка бросая продукты в тележку. Если человек Бакаева, то слишком напролом, в лоб. Или Ринат просто ещё раз хотел напомнить – не лезть в это дело? Или это новая, неизвестная сила? Значит, пора познакомиться.

Глава 11

Нефёдов вышел из магазина, глухо звякая бутылками в пакете, поравнялся с тёмно-синим внедорожником и стукнул в приоткрытое окно костяшками пальцев.

– До дома подбросишь? О цене сговоримся.

Водитель шевельнулся, снимая блокировку дверей. Виталий уселся, пристроив пакет под ноги.

– Куда? – коротко спросили его. Нефёдов еле заметно пожал плечами и чуть развёл руками. Водитель кивнул и повернул ключ в замке зажигания.

Нефёдов откинулся на сиденье, боковым зрением рассматривая человека за рулём. На вид младше Виталия лет на десять, а то и на пятнадцать. Модельная стрижка, дорогие джинсы, нога в кожаном мокасине уверенно давит на педаль газа. Красивый профиль: прямой нос, твёрдые губы. Бабам такие нравятся, сделал вывод Виталий.

– Я тоже механику предпочитаю, – сказал Нефёдов. – Был у меня «Патфайндер» как-то. Для рыбалки незаменим.

Мужчина за рулём улыбнулся. Немногословен, отметил снова Виталий. Из какого же ты ведомства, сынок?

– Как насчёт пообедать? – подал голос мужчина. Нефёдов одобрительно кивнул, ногой пнув пакет, в котором звякнуло. – На природе? – Нефёдов кивнул ещё энергичнее. Мужчина включил поворотник и ловко втиснулся в правый ряд. – Знаю одно укромное место. Если хотите, позвоните своему водителю, я скажу координаты. – Нефёдов отрицательно качнул головой.

Машина свернула на объездную дорогу, проехала первую деревеньку и снова свернула, уже на просёлок, который вывел к хлипкому на вид деревянному мостку через неширокую в этом месте речушку. Нефёдов было уж решил, что они приехали, но «Патфайндер», осторожно пробуя колёсами деревянный настил, двинулся на ту сторону реки. Нефёдов мысленно крикнул, но вида не подал. Сразу за мостиком машина резко свернула и оказалась на небольшой поляне, со всех сторон закрытой густым кустарником. Мотор заглох, в наступившей тишине звонко раздалось: «Фьють, фьюить, фьють».

– Максим Шепитько, – повернулся к нему мужчина и сунул руку в нагрудный карман джинсовой куртки. – Следственный комитет по Северо-Западному федеральному округу. – Он подержал удостоверение раскрытым ровно столько, сколько понадобилось Нефёдову, чтобы окинуть цепким взглядом печать, фото и звание.

– Подполковник? – одобрительно кивнул он. – Прямо-таки федеральный округ? А что за интерес ко мне у федералов?

– Интерес не к вам, Виталий Маркович, а к делу рыжеволосых и зеленоглазых.

Если честно, Нефёдов удивился. Откуда они узнали о его интересе? Ринат звякнул? А какой у Рината интерес? Ему-то как раз надо это дело на тормозах спустить. Вроде.

– Не гадайте, Виталий Маркович, – правильно истолковал Шепитько затянувшуюся паузу. – Так уж случилось, что дело это веду я. Неофициально. Ваш внезапный интерес к этим убийствам может нам помешать. Или помочь. Вы же не отстанете, так ведь? Поэтому предлагаю объединить усилия.

Нефёдов не торопился с ответом. Откуда они узнали о его визите к Бакаеву, и о чём речь шла, спрашивать, конечно, не имеет смысла. Никто за здорово живёшь свои источники не сдаст.

– Я понимаю ваши опасения. И вы правы: слишком много заинтересованных сторон. И всем нужен свой результат.

– А вам? Вы на чьей стороне?

– Пока на своей собственной. Меня мало интересует расклад сил в предстоящих выборах. Я знаю, что у губернатора с мэром старые тёрки, уходящие корнями в глубокое прошлое. И что это дело, о маньяке, может сыграть на руку как одним, так и другим. Всё зависит от результата расследования. И меня, прежде всего, интересует именно результат.

– Почему не объединили дела? Почему не создали следственную группу? Неужели выборы важнее человеческой жизни?

Шепитько усмехнулся уголком рта, получился оскал.

– На местный следственный комитет надавили. Оттуда, – он показал глазами вверх. – Мы сделали вид, что согласились. Нам тоже интересно, кто и как хочет воспользоваться ситуацией. Это всё, что я могу пока сказать. Я веду это дело. Курирую следствие по каждому эпизоду. Повторю вопрос, хотите присоединиться?

– Не бойтесь моей необъективности? Мой работодатель может быть кровно заинтересован.

– Есть такое дело. Но вы, Виталий Маркович, уже влезли, куда не надо. Оставить вас без контроля – ещё худшее зло, чем опасаться вашей необъективности.

– Тогда, пожалуй, присоединюсь, – Нефёдов кивнул. Максим ему нравился. Из правильного теста слеппен этот подполковник. – А насчёт пообедать это лажа была?

– Отнюдь, – Максим нажал кнопку на приборной доске. Сзади щёлкнул багажник. Он вылез из машины, и через минуту на поляне стоял складной стол и два удобных брезентовых кресла.

Нефёдов уселся в одно из них, с каким-то отрешённым спокойствием наблюдая, как ловко Максим достаёт из корзинки припасы.

– Вот, – Максим, словно фокусник, выдернул откуда-то папку. – Знакомься, пока я на стол накрываю. Потом детально обсудим. Обрати внимание на эпизод четвёртый и шестой.

Он так естественно перешёл на «ты», что Виталий не сразу и заметил, что тоже начал тыкать.

В папке были выписки из уголовных дел по факту смерти десяти молодых женщин. Десять! Нефёдов сглотнул. В докладной Бакаева говорилось о семи (вместе с теми двумя, которых нашёл сам Нефёдов). Он просмотрел даты. Первое убийство произошло пять лет назад. Через год уже два. И на следующий два, и в прошлом году два. Зато в этом году аж три. Причём два за последний месяц.

– Он, похоже, вошёл во вкус.

– Тебе тоже кажется это странным? – Максим протянул ему бумажную тарелку с многослойным сэндвичем. Виталий удивлённо хмыкнул. Неужели сам делал? Меж двумя ломтями белого хлеба торчал кусок мяса, салатный лист, ярко-красный помидор. – Жена, – пояснил Шепитько ответ на его незаданный вопрос. – О здоровье моем печётся. Ты-то сам не женат вроде?

– В разводе, – Виталий сделал приличный кусок. – Да ты ж знаешь, чего спрашиваешь.

Максим только улыбнулся и тоже принялся за еду. Потом они листали папку, указывая друг другу на детали. Кивали, если делали одинаковые выводы.

– Что мы имеем? – Нефёдов наморщил лоб. – Некто охотится на рыжеволосых женщин и убивает их с особой жестокостью. Выкалывает глаза, отрезает языки. И никаких зацепок. Жертвы не связаны между собой никак. Вы что отработывали?

– Интернет-знакомства, общих знакомых, учёбу, поездки в одни и те же места, – скучным голосом перечислил Максим. – Всё мимо. Нигде они не пересекались. И общих знакомых нет, даже случайных. Скажи-ка, как ты сам вышел на них?

– У моего работодателя пропала жена. Искали везде. В том числе по моргам. Вот эта, – Нефёдов ткнул пальцем в последнюю фамилию списка, – найдена в Кругловском районе. Приметы сходились. Я приехал, но это оказалась не она.

– Как опознавали? Лицо же было изуродовано.

– Да там шрам приметный должен быть. Но его не было. Именно это меня поразило: жестокость убийства. Простой насильник так не поступает. Он своё дело сделал и пошёл. А тут явно или месть за что-то или психушка. Ну и запросил через знакомых сводки по убийствам.

– Ясно. Знаешь, ещё что думаю. Ведь они, – Шепитько провёл пальцем по папке. – Все рыжие, но не все зеленоглазые. Да и рыжие тоже не все. Вот эта, эта и эта – крашенные.

– Чёрт! Глаза?

– Да, те двое, с выколотыми глазами, носили зелёные линзы.

Нефёдов нахмурил лоб. Преступник выбирал жертвы по внешнему сходству со своим любимым типажом, а когда выяснял, что ошибся с цветом глаз, исправлял этот недостаток. По-своему.

– Он не был с ними знаком близко, иначе знал бы и про линзы, и про волосы. Где же он их выискивал?

– Я думал об этом не один день. Разброс жертв поражает. Почти двести километров. Он орудовал по всей области. И никогда не повторялся в одном и том же населённом пункте.

– Так рыжие с зелёными глазами на каждом углу и не стоят.

– Стоят. Вот эта. Первая. Кукина Елена, двадцать два года, стояла на трассе. Областной.

– Плечевая? Неужто дальнобойщик?

– Отрабатывалась и эта версия. Но всех не проверишь. Многие водилы работают на себя. Да и редко они ездят по одному. А в парах маньяки не работают, как говорят наши спецы.

– Биологические следы?

– Немного, но есть. Пока совпадений не найдено. Вот на этой, – он постучал пальцами по третьей в списке фамилии, – нашли чёткий след спермы. Оказался любовник. Проверили – у него алиби. Наш маньяк, если он маньяк, умеет пользоваться презервативами. И перчатками. На шее всегда находят следы талька от резиновых перчаток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.